

: i րՇարո :
: i րոռ րՇարոս ՎՐՇՆ ԼճճՐՐ :

: i րոռ րՇարոս ՎՐՇՆ ԼճճՐՐ :

ՈՐՈՐՈՐ

журнал

маткиновского общества

санкт-петербурга

2002 г. № 32 июнь

:: ռճ իՅ իճՇՐ իճճՅՂ ՐՇԱՐՈ իճճՅՂ ::

Марк Т. Хукер. Священные писания? 3

Д.О.Виноходов. Орки - гипотеза о происхождении. 16

Хельги Фаускангер. Различные человеческие языки - печаль Смертных Людей?
(перевёл Drauger) 18

Т. Шиппи. Дорога в Средьземелье (перевод Марии Каменкович) продолжение
(начало в №№21-31) 21

Хельги Липецкий. Падение Бритомбара. 40

Иллюстрации в тексте, и оформление стихов на последней странице - Моргул.

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 32 2002
ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Флорин Эйкинскьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright ©2002, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Толкин был глубоко религиозным человеком, Католиком. “Я – Христианин (этот вывод можно сделать на основе моих рассказов)”, писал Толкин в одном из писем читателю (L.288; здесь и дальше, цитаты, приводимые из англоязычных источников, даются в подстрочном переводе автора и отмечены “английскими кавычками”, цитаты, отмеченные “русскими кавычками”, – из русскоязычных источников). Не удивительно поэтому, что иногда во “Властелине Колец” улавливаются Библейские реминисценции. Один из таких Библейских эпизодов – явление воскресшего Гэндальфа трем членам Братства в главе “Белый всадник”.

Анализ русских переводов (список используемых переводов, см. в разделе “Источники” в конце статьи) этой сцены показал, что было бы уместно подробно прокомментировать ее для русскоязычных читателей с точки зрения носителя английского. Как Каменкович и Каррик (К&К) точно отметили в сноске (К&К, II. 506): “Этот эпизод перекликается с Преображением Христа на горе Фавор... Текст “осведомлен” о Христе, хотя герои о Нем ничего не знают. Эта отсылка, как и многие другие скрытые в тексте цитаты, ничего не добавляет к непосредственному смыслу эпизода, только помещает его в неожиданный контекст, создает символический “фон”, дополнительную “подсветку””.

Сюжеты Библейского и толкиновского рассказов имеют немало параллелей, начиная с количества присутствующих при Явлении персонажей, и кончая ролью света. Гэндальф является Арагорну, Леголасу и Гимли. Христос является Петру, Иакову и Иоанну. Христос является на горе Фавор. Гэндальф – на Холме Древобрада (Т.121).

Белизна и цвет играют большую роль в обоих рассказах. В Евангелии от св. Матфея написано: “И преобразовался перед ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет” (Матфей 17: 2). В Евангелии от св. Марка говорится: “Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить” (Марк 9: 3). В Евангелии от св. Луки, “вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею” (Лука, 9: 29). Толкин подхватывает суть этих описаний в собственном тексте нарочитыми повторами этого цвета. Эти слова накапливаются до такой

ослепительной белизны, что Гимли молча опускается перед Гэндальфом на колени, заслонив руками лицо. В Библии написано: “ученики пали на лица свои и очень испугались” (Матфей 17: 6). В Евангелии от св. Марка, говорится, что Петр “не знал, что сказать; потому что они [ученики Христа] были в страхе” (Марк 9: 6).

Как в стихотворении, Толкин пишет картину намеками, и Гэндальф словно воскресает на глазах читателя. Сцена начинается описанием человека, словно пробуждающегося от смертельного сна. “Вся усталость, казалось, покинула его” (Т.123). Толкиновский рассказчик продолжает: “Из-под серых [цвет, ассоциирующийся со смертью и прахом] лохмотьев, которые окутали одежду Гэндальфа как саван [еще один намек на смерть], были видны блеск и вспышка белого [намек на грядущее воскрешение]” (Т.123, здесь и дальше, комментарии автора внутри цитаты взяты в квадратные скобки). Эта вспышка белого почти немедленно переходит в ослепительный цвет, и рассказчик объясняет, что “Гэндальф высился над ними [намек на его Вознесение], и его серые лохмотья отлетели в сторону [намек на освобождение от смерти]”, затем начинается толкиновский пересказ Библейских описаний Преображения Христа. “Одежды его сияли белизной... Седые волосы его блестели, как снег под полуденным солнцем; одежда была ослепительно бела; глаза, сверкавшие из-под косматых бровей, пронзительно лучились как яркое солнце” (Т.124-5). Воздействие толкиновского образа на русскоговорящего читателя зависит от степени искусности перевода приведенных выше ключевых слов.

Особенно трудна для русского перевода толкиновская фраза, в которой “серые лохмотья окутали одежду Гэндальфа как саван” (shrouded by the grey rags), потому что в контексте преобразования и воскресения Гэндальфа, первое слово фразы (shrouded) воспринимается англоязычным читателем скорее всего в его буквальном, а не в переносном значении. В таком контексте предложение с этой фразой читается приблизительно так: “Когда он [Гэндальф] взбирался на площадку, был мгновенный проблеск, слишком короткий, чтобы развеять сомнения, быстренькая вспышка белого, как будто бы на мгновение обнаружилось какое-то другое одеяние, которое серые лохмотья окутали, как саван” (Т.123). Ни у одного из переводчиков такого потустороннего намека нет. Большинство из них перевело эту фразу с предлогом “под”. У Грузберга (во всех вариантах), “мелькнуло что-то белое, как будто под серыми лохмотьями скрывалась белая одежда”. Муравьев и Кистяковский (М&К) построили свою фразу на основе “из-под”. Григорьева и Грушецкий (Г&Г) выбрали совсем другой путь: “показалось, что между складами плаща мелькнуло что-то ослепительно белое” (Г&Г, II.88/602). Немирова ухитрилась перевести это предложение без всякого предлога: “серые лохмотья на мгновение раздвинулись и мелькнула ослепительная белизна” (Н, II.96). У Яхнина данная фраза вообще отсутствует (Я, II.82).

Дальше у Толкина идет сопоставление белого (как мы уже видели, в Библейском контексте, цвет Божественного) и серого цветов. Серый – это цвет праха, что в Библейском контексте является метафорой смерти. О прахе в Библии говорится, что Бог создал человека “из праха земного” (Бытие 2: 7). Это подтверждается в

книге Бытия 3: 19, где Бог говорит Адаму: “В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься”. Образ пути смертного из праха в прах повторяется Авраамом в книге Бытия 18: 27, в книге Иова 34: 15, и в книге Екклесиаста 3: 20. Это сопоставление цветов продолжается, пока серые лохмотья и капюшон Гэндальфа не отлетают в сторону, и ослепительная белизна его одеяния не становится видна всем. У Толкина получается элегантный, расширенный пересказ Преображения Христа. Все переводчики (кроме Яхнина) более или менее успешно справились с этим. Яхнин проигнорировал толкиновское описание и просто назвал Гэндальфа “преобразовавшимся старцем” (Я, II.82).

У Толкина есть еще одна скрытая полужитата из Библии, но из другого места. Почти все переводчики не узнали ее, и не поняли ее философского смысла. Описав ослепительно белого Гэндальфа, рассказчик говорит: “сила была в его руке”. Эта фраза перекликается с двумя молитвами из Библии, в первой и второй книгах Паралипоменон. В обоих случаях, это описание Бога. Первый раз такая фраза встречается в молитве Давида. “И в руке Твоей сила и могущество” (1-я Паралипоменон 29: 12). Второй раз – в молитве Иосафата. “И в Твоей руке сила и крепость” (2-я Паралипоменон 20: 6).

Здесь нужно обратить внимание на одну маленькую тонкость. Русское слово “рука” не точно совпадает с английским словом, которое используется Толкином и англоязычной Библией во фразе “сила была в его руке”. Русское слово “рука” подразумевает всю конечность от плеча до пальцев. В английском же языке “рука” имеет деление. Часть плеча до запястья называется arm [арм], а от запястья и до пальцев (включительно) – hand [хэнд]. (Ладонь называется palm [of the hand].) У Толкина, следующего за англоязычной Библией, сила Гэндальфа была сосредоточена в той части руки, которая от запястья до пальцев. Оригинальные языки Библии – иврит и греческий – тоже имеют такое различие. На иврите оно передается словами йад (йод-далет) и зроа (зайн-реш-вав-айн), которые в Библейских текстах переводятся на английский как hand [хэнд] и arm [арм] последовательно. По-гречески брахион (arm [арм]) и хеир (hand [хэнд]). Раньше такая разница существовала и в русском языке – устаревшее слово “длань” соответствует hand [хэнд]. В таком делении заключена философская разница. Часть конечности, называемая по-английски arm [арм] олицетворяет силу созидания или борьбы. Аналогичное значение имелось и в иврите ТАНАХа, где слово “зроа” (arm [арм]) переводится как “мышца”. Слово “хэнд”, с другой стороны, встречается и в других контекстах. В Евангелии от св. Марка (5:23) просят Христа, чтобы он пришел и возложил руки (по-английски хэндс [множественное число]) на умирающую девушку, чтобы исцелить ее. В Евангелии от св. Луки (4: 40) приводили больных к Христу, “и Он, возлагая на каждого из них руки (хэндс), исцелил их”. Таким образом, род силы определяется в контексте по той части руки, с помощью которой она прилагается. Если это верхняя часть руки, то сила – физическая. Если часть нижняя, то сила – духовная.

Соответственно, для переводчиков возникает вопрос – что нужно перевести; скрытую Библейскую цитату или контекст, определяющий род силы? Бобырь, Г&Г, Немирова и Яхнин изловчились не давать ответа на этот вопрос. У них фразы о силе в руке вообще нет (Б.161; Г&Г, II.89/603; Н, II.98; Я, II.82). К&К и Волковский решили открыто определить род силы у воскресшего Гэндальфа. У К&К “От него исходила неодолимая и неоспоримая сила” (К&К, II.130). У Волковского: “От фигуры веяло несказанной мощью” (В, II.142).

Только у М&К и Маториной (ВАМ) сохранилась рука. У ВАМ “Рука, обладающая чародейской силой, постепенно опускалась”. Слово “чародейский” здесь дает совсем другое истолкование происходящим событиям, и переносит читателей из религиозной среды в волшебную. У М&К фраза сформулирована изящно, с архаичным отзвуком из-за

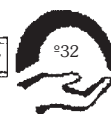
устаревшего написания слова “поднятая”: “И мощь была в его подъятой руке” (М&К, II.110). Поднятая рука у М&К и у ВАМ логически связана с предыдущим абзацем, в котором Гэндальф поднял свой жезл, и остановил Арагорна, Гимли и Леголаса, готовившихся с оружием напасть на него (Т.124-125). Толкин о положении длани Гэндальфа ничего не говорит, и о роде силы тоже умалчивает. Все это домыслы переводчиков. У Толкина только “сила была в его руке”. Наткнувшись на Библейский контекст, внимательный англоязычный читатель сразу думает о возможности еще одной скрытой цитаты из Библии, и без особых усилий может ее найти. Все переводы, не соответствующие Библейскому тексту отнимают у русского читателя возможность докопаться до предполагаемой Библейской цитаты, которая определяет смысл подтекста.

У Грузберга неплохой перевод, но у него слово “власть” а не “сила” или “мощь”, как было у других переводчиков. Несмотря на разницу формулировок, все переводчики более или менее правы. Английское слово power [пауэр] довольно емкое и имеет в русском языке несколько значений в зависимости от контекста. Три приведенных выше перевода слова power [пауэр] являются основными вариантами для передачи этого слова по-русски. Задача переводчика здесь – выбрать наиболее подходящий по смыслу вариант. Чтобы сохранить скрытую Библейскую цитату, нужно употреблять слово “сила”. В контексте возложения рук и исцеления больных, слово “сила” подходит также.

Слово “власть”, однако, это опасная сторона значения слова power [пауэр] в контексте Толкина. Если толкиновский рассказ свести к афоризму, то получится: “Власть развращает человека, а абсолютная власть – развращает абсолютно”. По-английски этот афоризм говорит о power [пауэр]. Как хамелеон, английское слово power [пауэр] меняет свое значение в зависимости от контекста. Русское слово “власть” более однозначно, и, в контексте Толкина в особенности, более зловеще. Оно стоит в основе русского заглавия романа – “Властелин Колец” – и в основе названия центрального объекта повествования – “Кольца Всевластья”, где имеет отнюдь не позитивную окраску. Толкиновские герои отреклись от власти, решив уничтожить Кольцо, и защищают свое решение силой воли и мощью оружия. Употребление слова “власть” здесь неуместно, потому что своими ассоциациями оно переводит философские рассуждения Толкина на другие рельсы. Английское слово power [пауэр] подобные ассоциации приобретает лишь под влиянием определенного контекста.

При явлении воскресшего Гэндальфа, трое оставшихся членов Братства, испытывая одновременно восторг, изумление и страх, не находят слов. Когда Арагорн опять обретает дар речи, он говорит, что Гэндальф вернулся к ним “паче всякого чаяния” (Т.125). Это высказывание перекликается с Католическим Катехизисом о последних словах Христа на кресте (2606). Там его слова воспринимаются как молитва для всего человечества, на которую Святой Отец отвечает “паче всякого чаяния” Воскрешением своего Сына. В таком контексте слово “чаяние” так сильно отражает – сознательно или подсознательно – Христианство Толкина, что переводчики, которые в этом месте отказываются от надежды, отнимают у читателей ключевой момент его философии.

Не удивительно, что Яхнин – один из тех, кто здесь отказывается от “всякой надежды” (Я, II.82). Более неожиданно, однако, что Немирова, а не Бобырь составила ему компанию по “безнадежности” (Н, II.98). Бобырь, очевидно, узнала ключевой характер этого эпизода, и у нее адекватный перевод этой фразы, только без слов из Библейского языкового пласта (Б.161). Грузберг и ВАМ тоже правильно передали фразу, но без возвышенности стиля. Г&Г и Волковский оба немного отклонились от оригинала, написав: “когда мы уже стали терять надежду” (В, II.1423; Г&Г, II.89/603). К&К удалось справиться и со смыслом, и с языковым пластом (К&К, II.130). У них “паче всякого чаяния”, что создает атмосферу Библейского текста.

Сравнение формулировки К&К, с формулировкой М&К указывает на близкую лингвистическую связь между чаянием (надеждой) и отчаянием. Разделяет их только приставка “от”, которая придает противоположный смысл корню слова. У М&К Арагорн говорит: “Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния!” (М&К, II.110) Употребляя здесь слов “отчаяние”, М&К вернулись к Совету Элронда и к спору Гэндальфа с Эрестором, где Эрестор выражает свое несогласие с замыслом уничтожения Кольца. “Это путь отчаяния”, говорит он. Толкин повторяет слово “отчаяние” еще два раза в ответе Гэндальфа (F.352). Хотя слова “надежда/чаяние” и “отчаяние” определяют полюсы религиозного диспута, толкиновская фраза “паче всякого чаяния” не является частью этого диспута. В контексте, который Толкин вложил в этот отрывок, это слово аналогично значению, употребляемому в Католическом Катехизисе. Это метафора неправдоподобного, абсолютно невероятного, на что нет смысла надеяться. Это метафора для воскресения Гэндальфа из мертвых. В

этом контексте, фраза “паче всякого чаяния” не является синонимом отсутствия надежды у трех оставшихся членов Братства, а лишь описанием их безграничного удивления самим фактом возвращения Гэндальфа к жизни, то есть событием, на которое с точки зрения логики никто не мог рассчитывать, и, следовательно, на которое не было никакой надежды. Введя слово “отчаяние” в сцену явления воскресшего Гэндальфа членам Братства, М&К вернули читателя к своему определению “отчаяния” в споре на Совете Элронда – “поражение неминуемо ждет того, кто отчаялся заранее” (М&К, I.333). Отзвук “отчаяния” из спора придает переводу М&К оттенок мрачности, которого у самого Толкина нет.

Чуть дальше в этой главе Толкин написал два параллельно сформулированных предложения, в которых сопоставляет Арагорна, олицетворяющего земные силы, с воскресшим Гэндальфом, представителем Божественных сил. (Данные предложения, авторский подстрочник и цитаты из исследуемых переводов прилагаются в конце статьи.) Толкин связал эти предложения чередой повторяющихся элементов, и смысловую нагрузку несут не столько слова каждого предложения в отдельности, сколько целая структура, взятая вместе. Это так называемое двойное предложение. Самый успешный перевод, поэтому, должен был бы передавать не только смысл слов, но и структуру толкиновского удвоенного предложения.

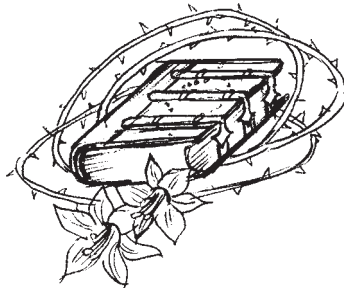
Первый повторяющийся элемент толкиновского построения – слово “фигура”. Это подлежащее обоих предложений пары. Употребляя это слово как подлежащее вместо имен своих персонажей, Толкин старается обобщить высказываемый смысл, а не ограничивать его исключительно данной ситуацией. Из всех переводчиков, один только Грузберг в вариантах А и Б (см. “Источники”) повторил этот толкиновский прием. У остальных переводчиков выступает “Арагорн, сын Арагорна”, а не Толкиновское подлежащее “фигура” в роли подлежащего первого предложения. Эту роль во втором предложении выполняли “старик” (Г&Г, Грузберг-В), “старец” (ВАМ, Волковский, Грузберг-Г), “согбенный старец” (К&К), “согбенный годами старец” (М&К), “щуплый седовласый маг” (Яхнин) и “старый маг” (Немирова). Тем самым эти переводчики перешли от обобщенного к конкретному,

убирая из толкиновского философского утверждения его универсальность.

Вторым стержневым элементом толкиновского двойного предложения является рука. В первом предложении рука фигуры покоится на рукояти меча, который является символом человеческой силы. Толкин определяет действие руки во втором предложении деепричастием *holding*, производном от глагола *to hold* (держать). Соответственно по-русски эта фраза звучит как [в руке была] “мощь превыше силы королей”. Это – отзвук предыдущего отрывка, в котором, цитируя Библию, говорилось о Гэндальфе, что “сила была в его руке”. Сравнением рук Толкин говорит, что небесная сила более могущественна, чем сила меча, посредством которого доказывает свою правоту человек. Отзвук руки пропал у всех, но “мощь превыше силы королей” более или менее удалась всем, с небольшой оговоркой.

В отличие от фразы “сила была в его руке”, где большинство переводчиков употребляли слово “сила” или “мощь”, для фразы “мощь превыше силы королей”, почти все использовали определение “власть”, хотя это слово здесь философски не менее опасно, чем там. В обоих предложениях стоит одно и то же английское слово: *power* [пауэр]. В первом отдельно, а во втором в паре со словом *strength* [стренгт]. Здесь, как и по всему толкиновскому тексту, повторяющееся слово нужно везде одинаково переводить и по-русски. У Бобырь, Г&Г, Немировой и Яхнина первой фразы (“сила была в его руке”) вообще нет, и тем самым, они ослабляют толкиновскую структуру, построенную на повторах. Кроме того, у Бобырь и у Г&Г¹⁹⁹², которые в первых редакциях шли по стопам Бобырь, отсутствует и первая фраза двойного предложения (Б.161; Г&Г¹⁹⁹², II.90). В переводе Яхнина нет второго предложения этой конструкции, а осталась только “могучая длань Арагорна”. У Немировой и Г&Г двойное предложение построено на паре “сила/власть”. У К&К, если в первой фразе была “сила”, то в паре из двойного предложения – “власть/власть”. М&К комбинировали “мощь” из первой фразы со словом “власть”. У Грузберга были “власть” и “власть/могущество”. Только ВАМ и Волковский последовали за Толкином. У ВАМ были “сила” и “сила” (без синонимов), и у Волковского были “мощь” и “мощь/могущество”.

Третьим стержневым элементом является цвет. Вторая фигура – “белая, озаренная каким-то внутренним светом”. Это опять отзвук предыдущего отрывка со скрытыми Библейскими цитатами. Этот цвет указывает на Божественный характер фигуры. Все переводчики справились с белизной второй фигуры, но не с цветом первой.

Первая фигура – серая. Как отмечалось раньше, серый цвет – это цвет праха, цвет который содержит намек на смертность человека в целом ряде Библейских текстов. Казалось бы, нет никаких препятствий для использования слова “серый”, но оно отсутствует как у Г&Г, так и у К&К. У Волковского и Немировой Арагорн носит *серый* эльфийский плащ. У ВАМ плащ *серебристый*. У Яхнина он *зеленый*. Эти подходы отделяют фигуру от смертности, на которую намекает Толкин в своем описании. Только у Грузберга сохраняется “Серая фигура Арагорна, сына Араторна”, которая “была высока и крепка, как камень”.

В переводе М&К вроде бы все на месте. У них Арагорн высился “как *серое* каменное изваяние”. Такая формулировка относит прилагательное “серый” не к Арагорну, а к каменному изваянию, тем самым нарушая прямую связь между Арагорном и цветом праха, посредством которой Толкин намекал на смертность Арагорна. Камень может быть сам по себе серым, и он не может умереть. Употребление слова “камень” заставляет читателя воспринимать это слово буквально, в то время как Толкин играет здесь именно на

переносном смысле тщательно выбираемых им слов. В комбинации со словом “фигура”, слово “серый” не ассоциируется с цветом камня, и читатель может свободно воспринимать слово “серый” в его переносном значении.

Кроме этого, образ, используемый М&К – “каменное изваяние”, получает отзвук в той сцене главы “Сбор Рохана”, где М&К тоже употребили слово *изваяние*. В этой сцене Мерри вместе с войском конников проходит дорогу от Эдораса до Данхарроу, встречая на своем пути *Pukel-men*, в переводе М&К Пукколы. По словам М&К, “На каждом повороте дороги высились грубые изваяния: человекоподобные фигуры...” (М&К, III.67) Тем самым М&К связывают Арагорна с некогда устрашающими Пукколами (Людьми-пугалами), а не с величием смертных, но живых Людей Третьей Эпохи. Толкин о Пукколах говорит, что “в них не осталось ни силы, ни ужаса”, (R.80) употребляя то же слово *power* [сила], которое использовалось и в двойном предложении. М&К шли в ногу с Толкином, и перевели *power* как “сила” (М&К, III.67). Получается, что благодаря связи со статуями Пукколов, созданной повторением М&К слова “изваяние”, Арагорн автоматически тоже лишается силы, в то время как Толкин наоборот старается подчеркнуть ее наличие у Арагорна.

Четвертым стержневым элементом является телосложение фигуры. Первая фигура была “высока и сурова, как камень”. Вторая фигура была “согбенная, обремененная грузом лет”. Одна сильная, а другая кажется слабой. С этим элементом не было особых проблем.

У Толкина была еще одна тонкость, и это последний, скрытый стержень двойного предложения. Толкин говорит, что первая фигура – “Человек”, с прописной буквы, но он ничего подобного не говорит о второй фигуре. Тем самым Толкин создает ощутимый пробел во втором предложении пары. Вся структура именно для этого и строилась, чтобы внимательный читатель задал себе вопрос, кем является вторая фигура, так как все остальные элементы повторяются, а этот нет.

Такое построение со скрытым смыслом неслучайно. В письме читателю Толкин говорит, что его рассказ, “основан на или отталкивается от определенных “религиозных” идей”, но он не является аллегорией для них. Эти идеи, продолжает он, “открыто не упомянуты” в рассказе (L.284). Он писал так намерено, чтобы не проповедовать.

К&К поняли, о чем речь, но не передали толкиновскую структуру. Они сделали явным то, что Толкин намеренно оставил скрытым. Конец второго предложения у них имеет Божественную окраску. Там говорится, что власть земных королей блекла перед властью второй фигуры, которую окружал ореол света. В первом предложении сказано, что Арагорн – король, и этот акцент относит его к земному, к Людям. Место второй фигуры во вселенной определяется словом “ореол”, который указывает, если не прямо на Бога, то, по крайней мере, на святого.

У М&К речь идет не о королях, а о “царях земных”. Их формулировка элегантно избегает повторения слова “царь”, употребляя синонимическую пару исполин/царь, но эффект тот же, что и у К&К – Арагорн относится к смертным, к Людям. У М&К, однако, нет прямого указания на Божественность. У них нет ореола или чего-то подобного. Тем самым они оставили толкиновский намек на Божественность Гэндальфа там, где у К&К содержится прямое ее утверждение.

Г&Г, с другой стороны, немного преобразовали Арагорна в новой редакции их перевода. У них говорится, что Арагорн выглядел, как будто бы он “король, пришедший из-за Моря и впервые ступивший на земли смертных людей”. У читателя сразу поднимается вопрос о смертности Нуменорцев, которых звали Морскими Королями. Если Арагорн тоже смертный, зачем надо об этом говорить? Слово “смертные” здесь ни к чему. Более уместно было бы “ступивший на земли меньших людей”, как писали К&К на основе Приложения А (R.391),

где говорится, что “в начале Нуменорцы пришли в Средиземье как учителя и покровители меньших Людей, обездоленных Сауроном”. У Г&Г в этом отрывке из Приложений нет “меньших Людей”, а есть только “обездоленные” (Г&Г²⁰⁰², стр. 1032).

У Александровой подобная ошибка. У нее Арагорн вышел на берега, населенные чернью. В нормальном историческом тексте это слово в значении простого народа было бы на месте, но в толкиновском тексте, где цвет Врага – с прописной буквы – черный, употребление этого слова для обозначения простого народа неуместно.

Никто из переводчиков полностью не справился с поставленной задачей, было лишь частичное понимание толкиновского текста. Савана нет ни у кого. Скрытую Библейскую цитату “сила была в его руке” пропустили четыре переводчика. Три переводчика ввели определение рода силы, которая была у Гэндальфа, тогда как Толкин намерено умолчал об этом. Грузберг неуместно употребил слово “власть”, и только М&К остались близки к оригиналу. Аллюзию на Католический Катехизис поняли четыре переводчика, и К&К очень хорошо перевели ее. Два переводчика, однако, вообще опустили эту фразу, а М&К слишком русифицировали ее. Перевод двойного предложения Грузбергом самый близкий к оригиналу по структуре, но из-за отсутствия слова “Человек”, пропадают, и вопрос, кем является вторая фигура, и скрытый толкиновский намек на Бога. У К&К вопроса нет, зато есть смысл, хотя и выраженный более конкретно, чем Толкин желал бы. У М&К неплохой перевод, но без элегантности структуры и тонкости оригинала. ВАМ и Волковский обошлись без “власти”, и у них “угадывается”, как говорит Волковский в своем переводе, что-то специальное, даже, возможно, и Божественное.

Толкин все еще ждет своего русского переводчика.

Все переводы анализируемых предложений, вместе с оригиналом и подстрочником, приложены в конце статьи для удобства читателя при сравнении. Последним приведен перевод Аллы Хананашвили, которая работает над новой редакцией “Властелина Колец”, постоянно консультируясь с автором данной статьи. Ее перевод не обсуждается здесь, так как эта статья фактически является ответом на один из ее вопросов, задаваемых в процессе консультаций. О результате судите сами.

Спасибо Алле Хананашвили и Наталье Семеновой за правку статьи и ценные критические замечания.

Источники:

J.R.R. Tolkien. *The Lord of the Rings* (in 3 volumes), New York: Ballantine Books, 1965.

The Letters of J.R.R. Tolkien. Humphry Carpenter (ed.), Boston: Houghton Mifflin, 1981.

Библия: Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические): Библейские общества, (выходные данные отсутствуют).

Бобырь, З.А. (пересказчица). Повесть о кольце (в одном томе). М.: СП Интерпринт, 1991.

Волковский, В. (переводчик). Властелин Колец (в трех томах), М.: ООО “Издательство

АСТ”; СПб.: Terra Fantastica, 2000.

Григорьева, Наталья и Владимир Грушецкий (переводчики). Властелин Колец (в трех томах), СПб.: “Северо-Запад”, 1992.

Григорьева и Грушецкий (переводчики). Властелин Колец (в одном томе с Хоббитом), СПб.: “Азбука-классика”, 2002.

Грузберг, А.А. (переводчик, вариант А). Властелин Колец. Самиздатовский файл из Интернета.

Грузберг, А.А. (переводчик, вариант Б). Властелин Колец. Самиздатовский файл (CD-ROM), Text Collection by Harry Fan, Version 1.0 (выходные данные отсутствуют).

Грузберг, А.А. (переводчик, вариант В). Властелин Колец. Электронная версия переводчика, 1999.

Грузберг, А.А. и Е.Ю. Александрова (переводчики, вариант Г). Властелин Колец (CD-ROM), М.: ИДДК, 2000.

Каменкович, Мария и Валерий Каррик (переводчики). Властелин Колец (в трех томах), СПб.: Terra-Азбука, 1994.

Маторина, В.А. (ВАМ; переводчица), Властелин Колец. (в трех томах), Хабаровск: Амур, 1991.

Маторина, В.А. (ВАМ; переводчица), Властелин Колец. Электронная версия переводчика, 1998.

Муравьев, В. и А. Кистяковский (переводчики). Властелин Колец (в трех томах), М.: Радуга, 1988, 1990, 1992.

Немирова, А.В. (переводчица). Властелин Колец (в трех томах), М.: ООО “Издательство АСТ”; Харьков: “Фолио”, 2002.

Яхнин, Л. (пересказчик). Властелин Колец (в трех томах), М.: АРМАДА: “Издательство Альфа-книга”, 2001.

Приложения:

Дж.Р.Р. Толкин: All weariness seemed to have left him [Gandalf]. As he stepped up on to the shelf there was a gleam, too brief for certainty, a quick glint of white, as if some garment shrouded by the grey rags had been for an instant revealed. . . . Then his grey cloak drew apart, and they saw, beyond doubt, that he was clothed beneath all in white. . . . There he stood, grown suddenly tall, towering above them. His hood and his grey rags were flung away. His white garments shone. . . . His hair was white as snow in the sunshine; and gleaming white was his robe; the eyes under his deep brows were bright, piercing as the rays of the sun; power was in his hand (Т.123-125).

Подстрочник: Вся усталость, казалось, покинула его [Гэндальф]. Когда он ступил на площадку, была вспышка, слишком короткая, чтобы быть в этом уверенным, быстренько

мелькнуло что-то белое, как будто какая-то одежда, окутанная серыми лохмотьями на мгновение была обнаружена. <...> Тогда его серый плащ распахнулся и они увидели, без сомнения, что под ним он был одет весь в белое. <...> Там он стоял, сделавшись неожиданно высоким, возвышаясь над ними. Капюшон и серые лохмотья полетели в сторону. Сверкнули белые одежды <...> Волосы его были белы, как снег при солнечном свете; его мантия сверкала белизной; глаза под густыми бровями были яркими, пронзающими, как лучи солнца; сила была в его руке (Перевод автора).

Бобырь: [Усталости нет.] На мгновение ему [Гимли] показалось, что из-под серых лохмотьев мелькнуло что-то белое <...> При этом его [Гэндальфа] плащ распахнулся и они видели, что под плащом он одет в белое. <...> им показалось, что он словно вырос. Его плащ распахнулся, белая одежда ярко сверкнула. <...> Волосы у него были, как снег на солнце, и одежда – ослепительно белая, а глаза под нависшими бровями — блестящие и пронзительные [Силы в руке нет.] (стр. 160-161).

ВАМ₁₉₉₁: [Усталости нет.] Когда он уже оказался на карнизе, его серый плащ распахнулся, и на мгновение под ним блеснуло что-то ослепительно белое <...> Серый плащ распахнулся, и все ясно увидели, что под ним – снежно-белые одежды. <...> Он вспрыгнул на камень и одним движением сбросил плащ. Выпрямился в ослепительно белом одеянии, стал как будто выше, <...> Перед ними был высокий человек [sic] с белыми как снег волосами, в белой одежде, сияющей на солнце. Глаза из-под густых бровей под высоким лбом светились ясно и проникновенно. Рука, обладающая чародейской силой, постепенно опускалась (Стр. 105-107).

ВАМ: [Усталости нет.] Когда он уже оказался на карнизе, его серый плащ распахнулся, и на мгновение под ним блеснуло что-то ослепительно белое <...> Серый плащ распахнулся, и все ясно увидели, что под ним - снежно-белые одежды. <...> Он вспрыгнул на камень и одним движением сбросил плащ. Выпрямился в ослепительно белом одеянии, стал как будто выше, <...> Старик стоял прямо, его волосы под солнцем были белы, как снег, белая одежда сияла. Глаза из-под густых бровей под высоким лбом светились ясно и проникновенно. Рука, обладающая чародейской силой, постепенно опускалась.

Волковский: [Усталости нет.] Когда незнакомец взошел на уступ, гному на миг показалось, будто под серыми лохмотьями блеснуло что-то ослепительно белое. <...> Плащ его слегка распахнулся. На сей раз ошибки быть не могло: он был весь в белом! <...> Теперь он возвышался над всеми, словно неожиданно обратился в великана. Серые лохмотья слетели с плеч, открыв сияющую белизну одежд. <...> Солнце сверкало на его серебряных сединах, блеск белоснежного одеяния слепил глаза. И под стать солнцу были взирающие из-под кустистых бровей лучистые, прозревающие сокрытое очи. От фигуры веяло несказанной мощью (стр. 140-142).

Г&Г₁₉₉₂: [Усталости нет.] На миг ему [Гимли] показалось, что между складами плаща мелькнуло что-то ослепительно белое, <...> Старик легко вскочил и показался им высотой с дерево. Серый плащ распахнулся, под ним словно полыхнул белый огонь. <...> Шляпа старика исчезла, снежно-белые кудри рассыпались по плечам. Плащ лежал у ног, одежда сверкала ослепительным серебром. Из-под мохнатых бровей на онемевших спутников смотрели такие знакомые, пронзительные и мудрые с лукавинкой глаза [Силы в руке нет.] (стр. 88-89).

Г&Г₂₀₀₂: [Усталости нет.] На миг ему [Гимли] показалось, что между складами плаща мелькнуло что-то ослепительно белое, <...> Старик легко увернулся, вскочил на ноги и одним махом оказался на огромном камне. Он вдруг оказался очень высоким. Серый плащ распахнулся, под ним словно полыхнул белый огонь. <...> Шляпа старика исчезла, снежно-белые кудри рассыпались по плечам. Плащ лежал у ног, одежда сверкала ослепительным

серебром. Из-под мохнатых бровей на онемевших спутников смотрели такие знакомые, пронзительные и мудрые с лукавинкой глаза [Силы в руке нет.] (стр. 602-603).

Грузберг-А/Б: Вся усталость, казалось, покинула его [Гэндальф]. Когда он ступил на площадку, на короткое мгновение, чтобы быть в этом уверенным, мелькнуло что-то белое, как будто под серыми лохмотьями скрывалась белая одежда. <...> При этом его серый плащ распахнулся, и все увидели, что он одет в белое. <...> Он вскочил на ноги и прыгнул на вершину большого камня. Тут он стоял, сделавшись неожиданно очень высоким, возвышаясь над ними. <...> Волосы его были белы, как снег при солнечном свете; сверкала белизной [sic] вся его одежда; глаза под густыми бровями были яркими, отбрасывая лучи, как солнце; во всей его фигуре выражалась власть.

Грузберг-В: Вся усталость, казалось, покинула его [Гэндальф]. Когда он ступил на площадку, на короткое мгновение, слишком короткое, чтобы быть в этом уверенным, мелькнуло что-то белое, как будто под серыми лохмотьями скрывалась белая одежда. <...> При этом его серый плащ распахнулся, и все увидели, что он одет в белое. <...> Он вскочил на ноги и прыгнул на вершину большого камня. Тут он стоял, сделавшись неожиданно очень высоким, возвышаясь над ними. <...> Волосы его были белы, как снег при солнечном свете, сверкала белизной вся одежда, глаза под густыми бровями были яркими, отбрасывая лучи, как солнце, во всей фигуре ощущалась власть.

Грузберг-Г (Александрова): Казалось, его усталость растаяла без следа. Когда он ступил на площадку, на краткий миг, слишком краткий, чтобы увериться в увиденном, блеснуло что-то белое, будто под серыми лохмотьями скрывалась белая одежда. <...> При этом его серый плащ распахнулся, и все увидели, что он одет в белое. <...> Неожиданно сделавшись очень высоким, он стоял там, возвышаясь над путниками. Капюшон и серые лохмотья отлетели прочь, засверкали белые одежды. <...> Волосы старика при солнечном свете были белы, как снег, одежда сверкала белизной, глаза под густыми бровями были яркими и всепроникающими, словно солнечные лучи, во всей фигуре ощущалась власть.

К&К: Куда только подевалась его [Гэндальф] усталость? Когда он ступил на карниз, под серыми тряпками на миг сверкнуло что-то белое, словно под дорожной одеждой незнакомца скрывалось другое одеяние, <...> Пола серого плаща откинулась, и все ясно увидели, что незнакомец с головы до ног одет в белое. <...> Всем почудилось, что он внезапно стал гораздо выше ростом. Капюшон и серые лохмотья полетели на землю. Сверкнули белые одежды. <...> Волосы старца были белы, как снег на солнце, одежды сияли белизной, глаза из-под густых бровей сверкали, как солнечные лучи. От него исходила неодолимая и неоспоримая сила (стр. 128-130).

М&К: ...немощь его как рукой сняло. Он [Гэндальф] шагнул на уступ, сверкнув мгновенной белизной, точно белым одеянием из-под засаленной ветоши. <...> его ветхий балахон распахнулся – да, он был весь в белом. <...> Он вскочил на ноги, одним махом вспрыгнул на скалу и внезапно вырос как слепящий столп, сбросив накидку вместе с балахоном. Сверкало его белое одеяние <...> Пышные его волосы блистали как горный снег, сияло белоснежное облачение, ярко светились глаза из-под косматых бровей, и мощь была в его поднятой руке (стр. 108-110).

Немирова: Его [Гэндальф] дряхлость как рукой сняло. Когда он ступил на карниз, серые лохмотья на мгновение раздвинулись и мелькнула ослепительная белизна - а может, это только почудилось? <...> Серый рваный плащ при этом снова распахнулся, и снова мелькнули белые складки. <...> Он легко отпрыгнул, выпрямился и

как будто сразу вырос. Долой полетели шляпа и серые лохмотья, открывая белоснежную просторную одежду <...> Волосы старца были ослепительно белы. Глаза под высоким лбом светло и остро блестели [Силы в руке нет.] (стр. 96-98).

Яхнин: <...> он вдруг распрямился, поднял посох и скинул с плеч нищенский балахон. Засияло открывшееся белоснежное одеяние. Из-под косматых бровей пронзительно сверкнули широко раскрытые глаза. Серебряной волной затрепетали на ветру пышные волосы. Посох в руке преобразовавшегося старца превратился в пышущий огонь жезл (стр. 79-82).

Хананашвили: Вся усталость, казалось, покинула его. Когда он взбирался на площадку, что-то мелькнуло на мгновение, слишком короткое, чтобы развеять сомнения, блеснула белая вспышка, словно иное одеяние, скрытое под серыми лохмотьями. <...> При этом его серый плащ слегка распахнулся, и все отчетливо увидели под ним белые одежды. <...> Выпрямившись, он внезапно вырос подобно башне, отлетели в сторону серые лохмотья и капюшон. Одежды его сияли белизной. <...> Серые волосы его блестели, как снег под полуденным солнцем; одежды были ослепительно белы; глаза, сверкавшие из-под косматых бровей, пронзительно лучились, как яркое солнце; и сила была в его руке.

Дж.Р.Р. Толкин: The grey figure of the Man, Aragorn son of Arathorn, was tall, and stern as stone, his hand upon the hilt of his sword; he looked as if some king out of the mists of the sea had stepped upon the shores of lesser men. Before him stooped the old figure, white, shining now as if with some light kindled within, bent, laden with years, but holding a power beyond the strength of kings (Т.133).

Подстрочник: Серая фигура Человека, Арагорна, сына Араторна, была высока и сурова, как камень, рука его лежала на рукояти меча, он выглядел, как будто какой-то Король из морских туманов сошел на берег меньших людей. Перед ним – фигура старика, белая, светящаяся теперь как будто внутри ее зажегся какой-то свет, согбенная, обремененная грузом лет, но держа (в руке) мощь превыше силы королей (Перевод автора).

Бобыр: Нет (стр. 161).

ВАМ₁₉₉₁: Арагорн сын Араторна, высокий, сильный, твердый, как скала, в серебристом эльфийском плаще, сжимающий рукоять меча, казался властителем, пришедшим из-за Моря на последний берег к людскому племени. Но старец в белоснежных одеждах, согнувший плечи под бременем лет, седой и исхудавший, но мудрый и уверенный, светящийся внутренним светом, явно обладал большей силой, чем любые короли (Стр. 115).

ВАМ: Арагорн сын Араторна, высокий, сильный, твердый, как скала, в серебристом эльфийском плаще, рука на рукояти меча, казался властителем, пришедшим из-за Моря на последний берег к людскому племени. Но старец в белоснежных одеждах, согнувший плечи под бременем лет, седой и исхудавший, но мудрый и уверенный, светящийся внутренним светом, явно обладал большей силой, чем любые короли.

Волковский: Рука Арагорна покоилась на рукояти меча, с плеч ниспадал серый плащ. Величественный, суровый, словно высеченный из камня, он походил на древних властителей Нуменора, равных которым не было среди людей. Но стоявший перед ним старец сиял белизной одежд, словно светился изнутри. Время непомерных трудов согнуло его спину, но в нем угадывалась мощь, стоявшая превыше могущества королей (стр. 153).

Г&Г₁₉₉₂: Нет (стр. 90). В самиздатовском варианте тоже нет.

Г&Г₂₀₀₂: Арагорн, сын Арахорна, решительный и твердый, стоял, выпрямившись, положив руку на рукоять меча – словно Король, пришедший из-за Моря и впервые ступивший на земли смертных людей. А перед ним сутулился от тяжести прожитых лет старик в простых белых одеждах. Вот только лицо у старика сияло, словно освещенное

внутренним огнем, а от фигуры исходила сила, несоизмеримая с властью любых королей (стр. 607).

Грузберг-А: Серая фигура человека Арагорна, сына Арахорна, была высока и крепка, как камень, рука его лежала на рукояти меча; он выглядел как король, приведший из туманного моря своих подданных. Перед ним стояла фигура старика, белая, как озаренная внутренним светом, согнутая под грузом лет. Однако обладающая властью, сильнее могущества короля.

Грузберг-Б: Серая фигура человека Арагорна, сына Арахорна, была высока и крепка, как камень, рука его лежала на рукояти меча; он выглядел как король, приведший из туманного моря своих подданных. Перед ним стояла фигура старика, белая, как озаренная внутренним светом, согнутая под грузом лет. Однако обладающая властью, сильнее могущества короля.

Грузберг-В: Серая фигура Арагорна, сына Араторна, была высока и крепка, как камень, рука его лежала на рукояти меча, он выглядел, как Король, приведший из туманного Моря своих подданных. Перед ним стоял старик, белый, озаренный внутренним светом, согбенный под грузом лет, но обладающий властью сильнее могущества Короля.

Грузберг-Г (Александрова): Серая фигура человека, Арагорна, сына Араторна, была высока и крепка, как камень, рука его лежала на рукояти меча, он казался королем, который вышел из морских туманов на населенные чернью берега. Перед ним стоял старец, весь, в белом, озаренным внутренним светом, согбенный бременем лет, но обладающий властью сильнее могущества королей.

К&К: Арагорн, сын Араторна, высокий и суровый, как скала, стоял, положив руку на меч, словно древний король, что ступил некогда из морских туманов на берег Средьземелья, чтобы владычествовать над меньшими человеческими племенами. Но стоявший перед ним, опираясь на посох, согбенный старец в белом обладал властью, пред которой блекла власть земных королей, и фигуру его окружал ореол света (стр. 139).

М&К: Суров, как серое каменное изваяние, высился Арагорн, сын Араторна, держа руку на мече; казалось, величавый исполин явился из-за морей на берег своей державы. А перед ним ссутулился согбенный годами старец, весь в белом сиянье, наделенный властью превыше царей земных (стр. 118).

Немирова: Арагорн в сером эльфийском плаще, рука на эфесе меча, высокий и суровый, словно король, сошедший на неведомую землю с корабля, а напротив его – старый маг в одежде, сияющей необыкновенной, как бы изнутри идущей белизной, сгорбленный и вроде бы дряхлый, но владеющий силой более могучей, чем власть королей (стр. 105).

Яхнин: [Арагорн] вдруг распрявился и возвысился над ними, словно суровый каменный исполин. Гордый взгляд его устремлен был вдаль, могучая длань легла на рукоять меча, плечи, облаченные в зеленый эльфийский плащ, развернулись. Перед щуплым седовласым магом стоял великий вождь, потомок древних королей (стр. 90).

Хананашвили: Серая фигура Человека, Арагорна, сына Араторна, была высока и тверда как камень, с рукой, лежащей на эфесе меча, он выглядел как король из-за туманного моря, ступивший на берега меньших людей. А перед ним ссутулилась, согнутая грузом лет, старая белая фигура, словно изнутри озаренная каким-то светом, но рука ее обладала силой, превыше могущества королей.

Часто случается так, что происхождение того или иного народа получает отражение в мифологической традиции в весьма причудливых формах, которые, тем не менее, имеют связь с реальными историческими событиями. Так, например, ныне историки трактуют миф о происхождении римлян от Ромула и Рема, брошенных в Тибр, чудом спасшихся и вскормленных волчицей, как формирование в лесистых холмах долины Тибра крупной банды разбойников, терроризировавшей окрестные поселения латинов, и последующее образование на ее основе общины-войска.

Существуют подобные легенды и об орках. Излагать их здесь представляется излишним ввиду их общеизвестности. Отметим лишь, что вопрос о происхождении этого народа в книгах Толкина не имеет однозначного решения.

Согласно хронике, синдар впервые встретились с орками в 1330 YT (YT – Year of the Trees, год Дерев, соответствует приблизительно 10 солнечным годам), а нолдор – в 1497 YT, еще до контактов с синдар. Тем не менее, оба народа дали оркам весьма сходные наименования. На синдарине их называли *Orch* (мн. ч. – *Yrch*, мн. общ. ч. – *Orchot*), а на валинорском квэнья – *Urko* (мн. ч. – *Urqui*). Лишь позднее, уже в Бэлэрианде, в нолдорине появляется синдаринизированная форма *Orko* (мн. ч. – *Orqui*, *Orkor*). Очевидно, что эти этнонимы происходят от одного слова-предшественника. И такое слово существует – квэнийское *urco* (некая тень, которая пугала эльфов во время Великого Похода) и раннеквэнийское *ork* или *orq*- («чудовище», «демон»). Но могли ли два народа эльфов независимо друг от друга дать практически идентичные наименования существам, с которым ранее не встречались? Сомнительно. Скорее можно предположить, что и синдар и нолдор были знакомы с орками ранее, то есть еще во время или даже до Великого Похода. И этноним для обозначения этого народа существовал уже в те времена. Откуда же тогда он мог произойти? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрим местность, где обитали эльфы допереселения в Валинор.

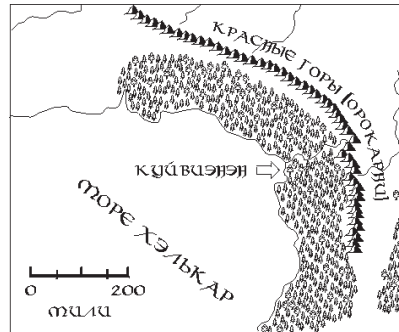
Как известно, пробуждение эльфов произошло у вод Куйвиэнэн (рис. 1) в 1050 YT. Первоначально они должны были заселить покрытую сосновыми борами узкую полосу земли шириной около 150 миль, находящуюся между восточным берегом моря Хэлькар и западными склонами Красных гор. Увеличение численности этого народа неизбежно должно было привести к постепенному расселению наиболее пассионарных его представителей. Основные миграции должны были происходить в южном и северо-западном направлениях, вдоль береговой линии, в районы с аналогичным ландшафтом. Альтернативным являлось восточное направление миграции, в предгорья и горные районы. Однако, местность здесь, по всей видимости, была непривычна. И новые условия вынуждали эльфов приспосабливаться к ним. Смена вмещающего ландшафта,

Рис. 1. Восточный Палисор (Первая Эпоха).

Карта выполнена согласно «Атласу Средиземья» Карен Фонстад.

согласно теории этногенеза Л. Н. Гумилева, неизбежно приводит к изменению стереотипа поведения и, как следствие, к возникновению новой этнической системы. Поэтому те из эльфов, что могли переселиться в Красные горы должны были образовать вначале обособленный субэтнос, а затем отдельный этнос, со стереотипом поведения, значительно отличающимся от такового у прочих эльфов.

Красные горы, иначе называемые Горами Востока, имели на языке эльфов наименование Орокарни (*oro* – «подниматься», отсюда *oron* – «горная вершина», *carna* – «красный»). Этот топоним, по утверждению людей более сведующих, чем автор, имеет квэнийское звучание и не относится ни к синдарину, ни к праэльдарину. То есть, это слово было образовано лишь в Валиноре после прибытия туда эльфов. Однако представляется, что при дивергенции эльфийских языков, произошедшей после великого переселения эльфов на запад, наименования местностей их далекой родины не должны были заметно измениться. Слова для обозначения новых мест, куда эльфы приходили отдельными племенами и в разные времена, несомненно должны были различаться, но те местности, где эльфы проживали когда-то все вместе, скорее всего носили в их языках схожие по звучанию наименования. Таким образом, логично будет предположить, что топоним «Орокарни» звучал сходно как в квэнья, так и в праэльдарине.

Созвучие эльфийского наименования Красных гор с этнонимом, обозначающим орков не может не привлечь внимание. Напрашивается предположение о том, что термин «орк» представляет собою дериват от топонима «Орокарни». Следует отметить, что примеры подобного словообразования отнюдь не редки. Так, топоним Таврида (старое название Крыма) произошел от слова «тавр» – горы. Жители Тавриды назывались тавры. Топоним Карпаты ведет свое происхождение от слова «карпи», что означает скалы, горы. И там некогда обитало фракийское племя карпи. Логично будет предположить, что орками стали называть тех эльфов, которые поселились в Орокарни, подобно тому, как мы называем кавказцами представителей тех народов, что живут в горах Кавказа. Таким образом, предлагаемая вашему вниманию гипотеза предполагает автономное возникновение этноса орков в результате естественного расщепления этнического поля эльфов.

Возможно, именно этих эльфов, обособленно живущих в стороне от большинства своих сородичей, Мэлькор совратил. Достоверно не известно, каким образом темному вале удалось исказить орков. Однако возможно, что этот процесс был подобен процессу падения людей, описанному в *Атрабэт Финрод ах Андрэт*. Если Мэлькору удалось каким-либо путем заставить орков признать себя истинным Творцом и Владыкой мира, то и последствия этого падения могли быть подобны последствиям падения людей. В частности, срок жизни хроар орков должен был стать ограниченным. И действительно, хроар орков существует не вечно, срок их жизни, как правило, не превышает срока жизни людей высшей расы, эдайн.

Настоящая работа появилась лишь благодаря дискуссии с Олегом Мартыновым в рамках эхо-конференции SU.TOLKIEN. Хотя стороны так и не пришли к общему мнению, автор считает необходимым выразить своему оппоненту искреннюю благодарность за ценную информацию, использованную в данной работе, и благожелательное отношение.

Автор в полной мере сознает спорность предложенной гипотезы и ни в коей мере не настаивает на ней, как на единственно верной.

Текст статьи находится по адресу: <http://eressea.ru/library/public/winokh1/winokh1.htm>

Виноходов Д. О. (wb@ctinet.ru)

Примечание: символом * обозначены реконструированные слова.

В работах Толкина упоминаются несколько человеческих языков, но, за исключением Адунаика, наши знания о них фрагментарны. Многие языки Людей испытали на себе влияние Эльфийского. Фелагунд столь быстро расшифровал язык Беора (Beor) и его людей отчасти потому, что *“эти Люди долгое время общались с Темными Эльфами на востоке от гор и переняли многое из их речи; и, поскольку все языки Квенди имели общее происхождение, язык Беора и его народа походил на Эльфийский во многих словах и конструкциях”* (Silml.17).

Роханский язык

В LotR2/III-6, когда Арагорн и Леголас подходили к Эдорасу, столице Рохана, Арагорн прочел вслух поэму на чужом языке. *“Это, я полагаю, и есть язык Рохана,”* - сказал Эльф/ *“Он похож на саму эту землю; богатый и переливчатый, и в то же время жесткий и суровый, как горы. Но я не понимаю значение слов, только чувствую, что он обременен печалью Смертных Людей”*.

Мы мало знаем о Роханском, поскольку в LotR Толкин передавал его древнеанглийским языком, стараясь воспроизвести для английских читателей его архаический привкус по сравнению с Всеобщим языком, который был представлен современным английским (не следует думать, что Роханский был предком Вестрона, как древнеанглийский - предком современного английского). Таким образом, такие имена, как Эомер (Eomer), и такие фразы, как *“ferthu Théoden hál”*, не являются транскрипциями реальных слов, употреблявшихся в Третью эпоху. Однако, несколько слов на Роханском были опубликованы. Из Приложения F мы узнаем, что trahan означает “нора”, что соответствует Хоббитскому trān - “смиал, нора”. Язык Хоббитов в какой-то момент в прошлом испытал влияние Роханского или был близко связан с ним. Другой пример - Хоббитское kast (мусом), соответствующее Роханскому kastu. Слово “хоббит” само по себе представляет реальное слово Третьей эпохи kiduk, сокращенную Хоббитскую форму от Роханского kúd-dúkan (обитатель нор), представленную в LotR древнеанглийским словом holbytla.

После публикации “The Peoples of Middle-earth” стали известны еще несколько слов. Согласно РМ:53, часто встречающийся элемент éo- (конь - в Éowyn, Eomer и т.д.) представляет Роханское loho-, ló-, очевидно, родственное Эльфийским словам, обозначающим лошадь (ср. gosso в Квенья,

gosh в Синдарине), что демонстрирует влияние Эльфийского на языки Людей. Éothéod (“Народ коней” или “Земля коней”) - это перевод Роханского Lohtûr. Синдаринское название Рохан соответствует самоназванию Lôgrad (древнеанглийская версия Eo-marc, Конская марка). Théoden представляет túgas-, древне слово, означающее “король” (ср. с Эльфийской основой TUR-, относящейся к силе и власти, LR:395).

Согласно UT:387, “дикий человек” по-Рохански - róg, мн.ч. rógin. Окончание мн.ч. -in также известно в Дориатрине, это может быть еще одним свидетельством Эльфийского влияния на языки Людей. Ср. также Nóm, мн.ч. Nómín в языке народа Беора (Silm.17).

Северные языки

В тексте LotR встречаются прежнее имя Голлума - Sméagol - и имя его друга - Déagol. Согласно примечанию к Приложению F, это “имена на человеческом языке области рядом с Оболонью”. Но далее в этом приложении объясняется, что это были не их настоящие имена, “но эквиваленты, придуманные таким же образом для имен Trahald - “роющий норы, живущий в норе” - и Nahald - “секрет, тайна” на Северных языках”. Выражение “таким же образом” относится к замене Толкином реальных Роханских форм древнеанглийскими словами. Имена Sméagol и Déagol точно так же построены из древнеанглийских элементов, чтобы служить “эквивалентами” реальных Средиземских имен Trahald и Nahald. В черновике Приложения F (где “реальные” имена появляются в формах Trahand и Nahand), они были переведены как “склонный ползать по норам” и “склонный прятаться, скрытный” соответственно (PM:54). В том же источнике Толкин упоминает, что “имя дракона Смог (Smaug) - это представление подобным же способом, в данном случае словом более скандинавского характера, Дэйльского имени Trági, которое, вероятно, было связано с основой trah-, употреблявшейся в Марке и Шире”. Следовательно, выдуманные имена Sméagol (псевдо-древнеанглийское) и Smaug (псевдо-скандинавское) включают общую основу, представляющую взаимосвязь между реальными Средиземскими именами Trahald и Trági. Поскольку Trahald, как говорилось, означает “роющий норы, живущий в норе” или “склонный ползать по норам”, интересно отметить, что Толкин говорил о том, что имя Smaug (представляющее Trági) - это “прошедшее время устаревшего немецкого глагола *Stigap* - протискиваться через дыру” (Letters:31).

Язык Дунландцев

Во время обороны Хорнбурга Эомер не смог понять, что кричали нападавшие. Гамлинг объяснил, что “многие кричат на языке Дунланда... Я знаю этот язык. Это древняя речь людей, когда-то на ней говорили во многих западных долинах Марки... Они кричат[:] ‘Смерть Forgoil! Смерть Соломенным Головам!’ Так они называют нас” (LotR2/III-7). В Приложении F упоминается слово forgoil (“Соломенные Головы”) как единственное Дунландское слово, встречающееся в LotR: возможно, for-go-il = солома - голова - окончание мн.ч.? Окончание -il могло быть заимствовано из Эльфийского, соответствующее Квеньское окончание частичного мн.ч. - li (LR:399).

Языки Харада и Кханга

О языке жителей лежащего далеко на юге Харада мы можем сказать немного. Некий чародей однажды сказал: “У меня много имен в разных странах. Среди Эльфов меня называют Митрандир, у Гномов - Таркун (Tharkûn), в дни моей юности на забытом Западе меня звали Олорин (Olórin). На юге я Инканус (Incánus), на севере - Гэндальф, а на востоке я не был” (LotR2/IV-5). Согласно UT:399/402, Incánus (или Inkâ-nus, Inkâ-nush) - это слово из языка Харада,

означающее “северный шпион”. Но Толкин был не вполне уверен в этом. Ему казалось, что *Incápus* могло означать “Властитель умов” на Квенья.

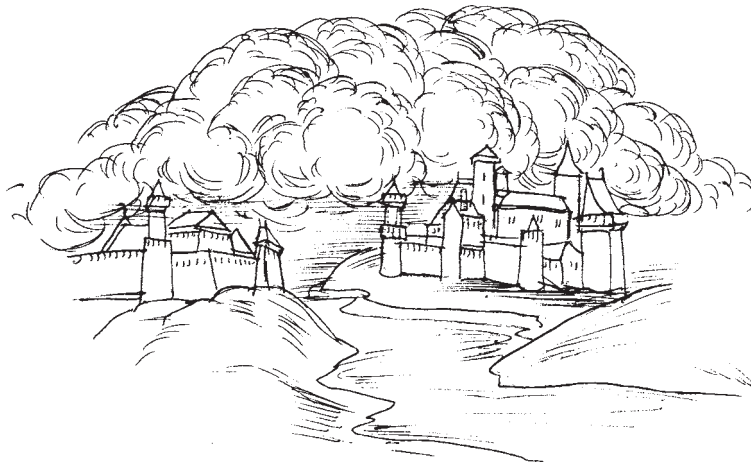
Согласно РМ:79, Толкин говорил, что названия Кханд (страна к юго-востоку от Мордора) и Вараг (*Variag* - житель Кханда) - это примеры “языка Людей Востока и союзников Саурона”. Другое Кхандское слово - *tímtak*, мн.ч. *tímtakil* (слон). Связано ли окончание мн.ч. -*il* с соответствующим элементом в *Forgoil*, или это независимое заимствование из Эльфийского?

Язык Друадамов (*Drúedain*)

Дикие люди из леса Друадан говорили на языке, абсолютно чуждом Всеобщему наречию. В древние времена люди Халет называли их народ *Drûg*, “это было слово их собственного языка” (УТ:377). В УТ:385 приводится его реальная форма в языке Друадамов - *Drughu* (“*gh* представляет спирантный звук”). Голоса Друадамов были “низкими и гортанными” (УТ:378), голос Ган-бури-Гана (*Ghân-buri-Ghân*) звучал так, даже когда он говорил на Вестроне (LotR3/V-5). Он часто произносил слово *gorgûn*, очевидно, означавшее “Орки” (см. WJ:391).

Талиска

В LR:179 упоминается ранний человеческий язык, называемый Талиска (*Taliska*). Это был язык народа Беора, предок Адуунаика. Он испытал на себе влияние Нандорина, языка Зеленых Эльфов. “Историческая грамматика Талиска существует”, - информирует нас Кристофер Толкин (LR:192, примечание). Несколько лет назад в *Vinyar Tengwa* писали, что один из Эльфконнеров (исследователей Эльфийского языка) редактировал грамматику Талиска, и Карл Ф. Хостеттер подтверждает, что она будет опубликована ... когда-нибудь. Тем временем, известно только несколько слов из ранних человеческих языков Первой эпохи. В WJ:238, 270, 309 мы находим *hal* - глава, вожь, правитель, *halbar* - атаман, вожак, *hal(a)* - страж, часовой, *halad* - смотритель, хранитель, *haldad* - сторожевой пес, *bor* - камень. В *Silm.*17 говорится, что люди Беора называли Эльфийского короля Фелагунда *Nóm* (“Мудрость”), а его народ - *Nómín* (“Мудрые”). Похоже, что их язык имел окончание мн.ч. -*in*, также встречавшееся в языках Рохана и Дориата.

Примечания к главе 4.

(18) см. прим. 5 к гл.1

(19) Два города из “Фермера Джайлса” и “Властелина колец” связаны воедино в традиционном стишке: “*Brill on the hill, Oakley in the hole, dirty Ickford and stinking Worminghall*”. — Т.Ш.

(20) “Породившим себя” (лат.).

(21) Полный текст стихотворения:

“Во тьме земля сады растит;
Не всяко золото блестит,
Клинок тем тверже, чем древней,
И стуже не убить корней!

Огонь воспрянет из золы,
Пробьется свет из мутной мглы,
Меч откуют, — и наконец
Безвестный обретет венец!”

(“Властелин Колец”, т.1, с.371).

(22) Интересно, что первая версия этой песни, “Легка как липы лист”, опубликованная в журнале *The Grifon* за 1925г., не использует слова “тень”. Толкин переписал это стихотворение, чтобы оно соответствовало развиваемому им мифу.

(23) об угрюмых, но незаменимых Следопытах им вспомнится сказание о “сыновьях Марты”

(24) Бальдр — в скандинавской мифологии сын Одина, любимец всех богов. Ему была предсказана смерть от руки бога Хеда. Богиня Фригг, надеясь лишить пророчество силы, взяла слово со всех стихий и вещей мира, что они не причинят бальдру вреда. Но она упустила из виду одну-единственную веточку омелы. Однажды боги забавлялись стрельбой в неуязвимого Бальдра. Этим воспользовался вечно творящий вред бог Локи и подсунул

слепому Хеду ветку омелы. Хед метнул ее в Бальдра, и она поразила его насмерть. Скорбь богов была так велика, что брат Бальдра Хермод отправился в Хель (царство мертвых) просить его владычицу отпустить Бальдра, на что та согласилась только при условии, что Бальдра будет оплакивать все, что только есть на земле, живое и неживое. Условие было выполнено; одна только великанша Хекк — а ею притворился все тот же самый Локи — не плакала, и Бальдр остался в царстве мертвых. Когда мир обновится, Бальдр воскреснет и примирится с Хедом. Миф о Бальдре ставят в один ряд с другими мифами об умирающем и возрождающемся прекрасном боге (Таммуз, Озирис).

(25) “Ведет дорога вдаль и вдаль”, с.64. Но и здесь этот пункт не прояснен до конца. Сперва Толкин привел дословный перевод с Синдарина, а потом — соответствующий английский, но эти два перевода не во всем совпадают. Я свел их воедино. — Т.Ш.

(26) “Построена в 1887г.” (валл.).

(27) То есть, что язык коренится в звукоподражании, в копировании природных звуков. Ономатопоэтичны, например, такие слова русского языка, как “кукушка”, “шуршанье”, “мяу”.

(28) Возможно, стоит отметить, что *все* имена предшественников Теодена, от Тенгела назад к Брего, представляют собой древнеанглийские слова, означающие “король”, за исключением имен Деор и Грам, хотя я и не понимаю, откуда взялись эти два исключения; исключение составляет также имя Эорла Юного, основателя династии, которому предшествовало время, когда королей еще не было и когда все люди, как в древнескандинавской поэме *Rigspula*, делились на “эрлов” (вельмож), слуг и рабов.

(29) “Будь эта вещь (Кольцо — М.К.) у меня,... мы не трепетали бы перед Тенью и не страшились бы худшего из возможных исходов, как теперь” (“Властелин Колец”, т.Ш, с.112)

(30) Выкуп за кровь.

(31) “...Предположим, правда совершенно беспомощна, над ней глумятся, ее терзают, убивают, наконец. Ну и что? Почему не погибнуть вместе с ней?..” (ММ, с.563).

(32) Например, в устах лорда Феверстона: “...человечество — на распутье. Сейчас самое главное — решить, на стороне ты порядка или на стороне обскурантизма... Если дать науке волю, она пересоздаст человека, сделает его воистину *полезным* животным...” (ММ, с.353).

(33) — Только вероломный говорит “Прощай”, завидев тьму впереди, — проронил Гимли.

— Может быть, — сказал Элронд. — Но пусть не клянется выстоять во тьме тот, кто еще никогда не видел ночи!

— Слово обета может укрепить колеблющегося, — не согласился Гимли.

— Или сломить его, — молвил Элронд.” (“Властелин Колец”, т.1, с.420).

(34) Это действует даже на хоббита Мерри. В т.Ш на с.97 он просит Теодена, чтобы тот разрешил ему отправиться в поход вместе со Всадниками: “Не хочу, чтобы в песне потом пелось, как меня не взяли в поход!”. Это звучит иронически, но хоббит знает, что делает: он пытается подобрать аргумент, который бы был принят Теоденом. О том, как стиль формирует мысль, см. особенно замечания Толкина в “Письмах”, сс.225-6. — Т.Ш. (Здесь, в письме к Хью Бругану, упрекавшему его в злоупотреблении архаизмами, Толкин говорит, что изменение стиля в сторону современного способа изъясняться неизбежно изменит и смысл, сделав его более “легкомысленным и даже фривольным”; на самом деле, утверждает он, архаичность речи некоторых персонажей “Властелина Колец” следовало бы, наоборот, усилить. Для иллюстрации он приводит реплику короля Теодена (“Властелин

Колец”, т.2, с. 165: “—Нет, Гэндальф... Ты, должно быть, сам не ведаешь силы своего волшебства! С той минуты, как ты исцелил меня, все изменилось. Я сам встану во главе войска — и, если так решит судьба, паду одним из первых. Тогда сон мой будет спокойным.”) в “подлинно архаичном” и “модернизированном” виде. “Архаичный”, то есть, по Толкину, наиболее адекватный вариант звучал бы по-русски примерно так: “...Да не будет, о Гэндальф! Ибо мнится мне, ты и сам не ведаешь силы волхвования своего! Как ты исцелил меня, все пременялось. Сам возглавлю я рать свою, и, коли будет на то воля судьбы, сложу голову среди первых. Тогда могильный сон мой будет покойнее”. А модернизированный — так: “...Ну, что вы, дражайший Гэндальф! Ты просто сам не знаешь, какой ты замечательный экстрасенс! Когда ты меня вылечил, все предстало в совершенно другом свете. Я сам пойду впереди своего войска, и если так пожелает судьба — то список потерь откроется моим именем. Ну что ж, в таком случае могила будет мне пухом”.

“Перевод” архаического смысла на современное наречие неизбежно вносит “неискренность мысли, разлад между словом и значением”, поскольку древний король верил в то, что говорит, а король современный, который мог бы произнести такие слова, ни минуты не верит в то, что могила будет ему “пухом” — для него это просто фигура речи. Таким образом, стиль оказывает на смысл решающее влияние.

(35) Что конкретно имеет в виду Шиппи, сказать трудно. См. “Властелин Колец”, т.3, сс. 500-503.

(36) ДрАП, с.150

(37) Мерсия — одно из семи англосаксонских государств, на которые разделена была англосаксонская Британия. Согласно хорошо обоснованному предположению Толкина, на древнемерсийском диалекте (реконструированном лингвистами, за неимением письменных источников) название этого королевства звучало как “Марк”.

(38) Это огромное (374 фута длиной) изображение носит название “Уффингтонская Белая Лошадь”. и находится на холмах к востоку от Суиндона; подобных этому изображений, полученных путем удаления дерна с белой меловой поверхности, в Англии насчитывается около пятидесяти, но только некоторые из них, восходят, как Уффингтонская Лошадь, к древним временам. Традиционно считается, что Уффингтонская Белая Лошадь была создана в девятом веке и служила обозначением границы древнеанглийского королевства Мерсии, однако прямых доказательств этому нет. Это изображение интересно своей “нереалистичностью”; некоторые исследователи полагают даже, что оно с успехом может изображать и дракона.

(39) “...Сам он всадникам приказал
всех коней отпустить,
спешно спешиться, —
уповали бы в рукопашной
молодые лишь на доблесть
да на доброе свое оружие”.
(ДрАП, с.137).

(40) Битва при Гастингсе (между войсками короля англосаксов Гарольда II и войсками герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя) произошла 14 октября 1066г. Силы были примерно равны, и

англосаксы успешно отбивались от лучников и пехоты Вильгельма, но поддались на обманный маневр — покинули свои укрепления, поверив, что нормандцы обратились в бегство. В итоге нормандская конница ворвалась внутрь лагеря англосаксов, Гаральд II был убит, и битва проиграна. После победы Вильгельм занял Лондон и короновался на английский престол.

(41) битва при Херефорде

(42) Эомер, видя, что сражение проиграно и надежды нет, бросается в самую гущу битвы со словами:

“Из мглы сомнений, навстречу солнцу
Скакал я с песней, меч обнажая,
Оставив радость, забыв надежду!
Пою во гневе! Пусть рвется сердце.
Встречаю грудью закат и гибель!”

(“Властелин Колец”, т.3, с.161);

Эвейн, отвергнутая Арагорном и полагающая, что его уже нет в живых, отказывается остаться в тылу и, переодевшись мужчиной, отправляется на поле боя, где не рассчитывает выжить. Вот как мотивирует она свое поведение: “Почему я вечно должна оставаться дома, когда всадники скачут в бой? Они добудут себе славу, а я так и буду до самой смерти следить за хозяйством...” (“Властелин Колец”, т.3, с.69).

(43) Завершающие строки поэмы “Беовульф”. В русском переводе:

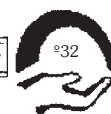
“...среди владык земных
он был щедрейший,
любил народ свой
и жаждал славы
всевековечной!”

(пер. В.Тихомирова, “Западноевропейский эпос”, “Лениздат”, 1977, с. 151, 8181-5).

(44) “Скиталец” — древнеанглийская элегия, написанная от лица изгнанника, странствующего по морям и в лишениях обретающего мудрость. Стихотворение, вложенное в уста Арагорна, парафразирует следующие строчки “Скитальца”:

“Где же тот конь и тот конник?
Где исконный златодаритель?
Где веселье застолий?
Где все эти хоромы?
Увы, золоченая чаша,
Увы, кольчужный ратник,
Увы, войсководы слава,
То миновало время,
Скрылось, как не бывало,
За покровами ночи” (пер. В.Тихомирова, ДрАП, с.76).

Ср. песня Арагорна:

“Где всадник, степями на бой проскакавший?
 Где плуг, благодатную землю вспахавший?
 Где жаркое пламя и голос струны?
 Где шлем, и кольчуга, и эхо войны?
 Как дождь над холмами и ветер над степью,
 Те годы исчезли за горною цепью.
 Кто дым от пожара в суму соберет?
 Кто годы назад из-за моря вернет?” (кн. II, с. 150).

(45) Слово “*mearas*”, которое у Толкина означает особую, высшую породу лошадей, к которой принадлежит и чудесный конь Гэндальфа Скадуфакс, позаимствовано из “Беовульфа” и представляет собой слегка видоизмененное множественное число от древнеанглийского *meaerh* — “лошадь”.

(46) См. N. Barley, “Old English colour classification: where do matters stand?” *Anglo-Saxon England*, vol. 3 (1974), pp. 15-28. — Т. III.

(47) Это упоминается в: C. L. Wrenn, “The Word ‘Goths’”, *proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society* (Lit.-Hist. Class), vol. 2 (1928-32), pp. 126-8. — Т. III.

(48) Роберт Э. Ховард (1906-1936) — американский писатель, автор серии книг о “Конане-варваре”.

(49) Э. Р. Эддисон (1882-1945) — английский писатель, автор книг в жанре фэнтези, среди них самая известная — роман “Дракон Уроборос”. Толкин и другие “Инклинги” очень ценили творчество Эддисона.

(50) Джеймс Брэнч Кэйбелл (1879-1958) — американский писатель, автор фантастических романов, которые обычно характеризуют как иронические и эскапистские одновременно.

(51) Гиббон, Эдвард (1737-1794) — английский историк, автор монументальной “Истории упадка и гибели Римской империи”.

(51) Wellinghall, “одно из жилищ” Древоборода во “Властелине Колец”; дословный перевод — “Чертог источника”.

(52) См. Arthur J. Evans, “The Rollright Stones and their Folk-lore”, *Folklore*, vol. 6 (1895), pp. 6-51. — Т. III.

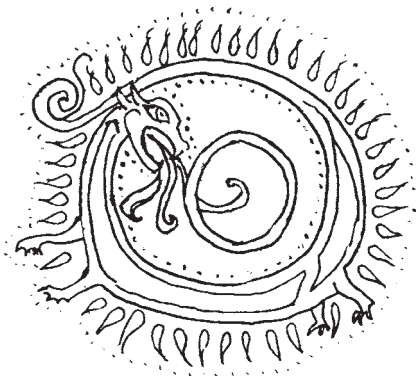
(53) Таинственные камни стоят на этом месте и по сейчас. Согласно традиции, их невозможно пересчитать.

Глава 5. Котыцо и переплетения.

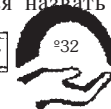
Проблема порчи

Лотлоризн завоевал немало сердец. Благодаря ему даже те критики, которые были настроены наиболее цензорски, признали за Толкином способность заключать действие в привлекательные рамки. “Надо признать, что пейзажи в книге просто замечательные”, — заявляет доброжелательный обозреватель “Вечерней хроники Бата и Запада” (7 декабря 1974г.). Однако по шкале ценностей, принятой у критиков, хороший пейзаж не является одним из главных достоинств произведения. Многие из опубликованных критических заметок о “Властелине Колец” хвалят толкиновские пейзажи, как бы давая автору небольшую

поблажку перед тем, как обрушиться на то, что кажется критику гораздо более серьезными недостатками, пятнающими самую сердцевину толкиновской “притчи” — то есть, подрывающими фундамент, на котором держится “Властелин Колец”. Часто утверждается, что характеры персонажей обрисованы в толкиновской книге слишком плоско, что автор уделяет недостаточно внимания сексуальной стороне жизни, что добро и зло во “Властелине Колец” напрасно изображены как абсолютные понятия, что у автора нет должного понятия о том, что такое индивидуальный внутренний конфликт, что в “основном сюжете” присутствует некоторая непоследовательность, которая мешает прочтению романа как “связной аллегории, которая несла бы в себе ясное сообщение, адресованное нашей современности”. Но прежде всего, по ощущению критиков, “Властелин Колец” не отражает “фундаментальных основ реальности”, не отражает “взрослого опыта познания мира”, не передает “эмоциональной истины о природе человечества”. Выражая самую суть общего для критиков мнения, профессор Марк Робертс заявляет следующее: “Понимание реальности, из которого исходит “Властелин Колец”, отнюдь не бесспорно; эта книга вылеплена автором без помощи единого руководящего мировоззрения, которое являлось бы в то же время ее *raison d’etre*”. То есть, иными словами, архаизм оформления неотделим от попыток совершить побег от реальности, то есть, умышленно повернуться спиной к настоящей жизни и современному опыту(1).

Сегодня уже очевидно, что некоторые из этих заявлений совершенно неприемлемы. Когда человек начинает взывать к “истине”, “опыту” и “реальности”, тем более — к какому непонятным “фундаментальным основам реальности”, он весьма недвусмысленно дает понять, что кому-кому, а ему хорошо известно, *что именно* кроется за этими понятиями, и никаких возражений он не потерпит, а будет стоять на своем. Возможно, в основе конфронтации “Властелина Колец” и критиков действительно лежит некоторое базовое расхождение во взгляде на природу вселенной, расхождение, которое проявляется в форме сильной и инстинктивной взаимной антипатии. Лекарства от нее не существует. Но нет и ничего невозможного в том, чтобы разобраться, откуда она берется, и оправдать толкиновскую концепцию реальности, которую, как бы о ней ни говорить, нельзя назвать

ни “эскапистской”, ни бездумно-примитивной. Правильнее всего начать с разговора об основном источнике всего действия — о Кольце (я пишу здесь это слово с большой буквы, чтобы показать, сколь важное место отведено ему во “Властелине Колец”, по сравнению с той относительно маловажной ролью “толчка к дальнейшему развитию событий”, какую оно играло в “Хоббите” в качестве “уравнителя”).

Самое очевидное в Кольце — это то, что образ этот по самой сути своей имеет ярко выражено анахронистический, то есть, совершенно современный характер. В жизненно важной для понимания всего остального главе “Тень былого” Гэндальф рассказывает о Кольце довольно много, но все сведения, которые он сообщает, лепятся вокруг трех основных тезисов: /1/ Кольцо обладает огромной силой независимо от того, в чьих руках оно находится — в руках друзей или врагов; /2/ оно опасно и в конечном счете играет роковую роль в судьбе всех своих владельцев. В некотором смысле, “истинного хозяина” у Кольца не существует; /3/ Кольцо нельзя просто положить куда-нибудь в сторонку и оставить без употребления. Оно должно быть уничтожено, а уничтожить его можно только там, где оно было выковано — в огне Ородруина, Горы Судьбы. “Существует только один способ уничтожить его”, — говорит Гэндальф хоббиту Фродо, и для повествования крайне важно, чтобы его слова были приняты на веру: Кольцо *нельзя* хранить, оно имеет власть *надо всеми*, оно *должно* быть уничтожено. Эти разъяснения, растянутые на добрых двадцать страниц (с.89-105), функционируют как часть повествования, однако если представить их в сжатом виде, только совсем уж дремучий читатель не вспомнит изречения: “Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно”. Можно сказать, что эта максима лежит в основе всего “Властелина Колец”. Впервые она со всей отчетливостью высвечивается в рассказе Гэндальфа о Кольценоносителях, о том, как со временем они “выцветают”, независимо от того, какой “силой” обладали изначально и каковы были их “добрые намерения”, а впоследствии пафос ее усиливается яростным отказом Гэндальфа взять Кольцо себе:

“Не искушай меня! Я, конечно, не хочу уподобиться Черному Властелину. Но Кольцо знает путь к моему сердцу: оно будет действовать через жалость, жалость к слабым и желание обрести силу для благих дел. Не искушай меня. Я не смею взять его даже на хранение, даже если поклянусь никогда не пользоваться им. У меня не хватит сил сдержать обещание...” (“Властелин Колец”, т.1, с.106).

В нашем веке, который видел немало воцарившихся над фермами свиней, отказ волшебника взять Кольцо звучит особенно впечатляюще, однако до сих пор еще ни один критик не обратил внимания на этот крайне важный ход.

Но представление о том, что власть развращает, принадлежит исключительно современности! Впервые выразил его в 1887г. лорд Эктон(2), в письме, которое Толкину, возможно, было небезынтересно прочитать, поскольку оно носит ярко выраженный антипапистский характер(3). Еще за сто лет перед этим нечто похожее произнес Уильям Питт(4): “Безграничная власть способна развратить того, кто ею обладает”. Но до Питта подобных идей ни у кого не возникало. Более того, человек прежнего времени счел бы их извращенными. На самом деле, если приводить точную цитату, слова лорда Эктона звучат так: “Власть имеет тенденцию развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно. Великие люди — это почти всегда плохие люди...”. С последними словами не смог бы, скорее всего, согласиться ни один средневековый хронист, поэт или агиограф. Правда, у англосаксов существовала поговорка, внешне немного похожая на высказывание лорда Эктона. Но смысл у нее совсем другой. Она звучит так: “*Man deþ swa he byþ þonne he mot swa he wile*”: “Дай человеку власть — и он покажет, каков он на самом деле”(5). Эта

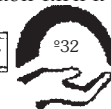

поговорка, конечно, отзывается о действии власти на человека довольно цинично. Но смысл ее не в том, что власть развращает, а в том, что власть выявляет недостатки. Догадки о том, что самый хороший человек может стать плохим только из-за того, что исчезнут сдерживавшие его обстоятельства, здесь еще не слышно. Разумеется, Толкин должен был чувствовать, насколько современны его основополагающие утверждения по поводу Кольца. Остается удивляться, почему он наделил Кольцо такими качествами и как ему удалось увязать эти идеи с тем архаическим миром, в котором разворачивается сюжет книги? Правдоподобно ли звучит в Средьземелье утверждение лорда Эктона, порожденное викторианской эпохой?

Не будет ошибкой сказать, что оно звучит по меньшей мере неправдоподобно. В начале повести Гэндальф говорит, что Кольцо “овладевает”, а затем “поглощает без остатка” любое существо, которое им пользуется, а Элронд идет еще дальше и заявляет: “Стоит пожелать Кольцо — и ты уже обрек свое сердце необратимому растлению” (“Властелин Колец”, т. I, с. 400). Как уже говорилось, эти сведения о Кольце играют в повествовании решающую роль, и в течение некоторого времени все, что происходит в книге, вроде бы только подтверждает их справедливость. Например, Голлум изображен как существо, почти полностью поработанное Кольцом, — до такой степени, что собственной воли у него уже практически не остается, а те ее исчезающе малые крупинки, которые он все же сохранил, проявляются только в том случае, когда Кольца нет поблизости. Боромир по нравственной шкале стоит гораздо выше, чем Голлум, но и он своим примером подтверждает правоту Элронда. Боромир не прикасался к Кольцу, но одного желания обладать им оказалось достаточно, чтобы он решился прибегнуть к насилию. Разумеется, изначально Боромир исходил из патриотизма и любви к Гондору, однако когда он из любви к Отечеству начинает произносить речи в защиту “силы — силы, чтобы защитить себя в справедливой войне, силы, чтобы выстоять”, наше современное знание о природе диктаторства сразу напоминает нам, что на этом никто не останавливается. С виду Боромир добродушен, но его легко представить Кольцепризраком. Он никогда нигде не заявляет прямо, что цель-де оправдывает средства, но подразумевает это постоянно, что только добавляет правдоподобия открывающейся перед ним перспективе “испортиться”. То же самое можно сказать об отце Боромира Дэнеторе, в разговоре с которым Гэндальф опять подчеркивает, что Кольцо способно причинить вред даже в том случае, когда его не используют: “...окажись эта вещь у тебя, Дэнетор, — гоаорит он, — не ты ею, а она тобой овладела бы. Даже если бы ты спрятал ее под корнями Миндоллуина, она и оттуда выжгла бы твой разум”. После таких слов и правда легко поверить в то, что добрые намерения Гэндальфа действительно не устояли бы перед Кольцом, и что Галадриэль тоже права, отказываясь от Кольца (“Властелин Колец”, т. I, с. 537). Из всего этого следует, что в качестве скрытой угрозы Кольцо действует исключительно эффективно.

Проблема возникает, когда мы замечаем, что очень многие другие персонажи, по всей видимости, обладают иммунитетом по отношению к чарам Кольца. В конце концов, Фродо постоянно носит Кольцо при себе, однако признаков порчи в нем почти не заметно. Он проходит через многие испытания и прилагает много труда, чтобы избавиться от Кольца. Когда же он все-таки уступает искушению и провозглашает Кольцо своим, в следующий момент он его уже теряет — оно попадает к Голлуму, вместе с откушенным у Фродо пальцем. Многими страницами раньше Гэндальф говорит Фродо, что Кольцо можно отнять “разве что силой, подавив волю и покалечив разум”. Но в Саммат Наур как раз и была пущена в ход сила, причем в полном смысле этого слова — в виде зубов Голлума; тем не менее, с разумом Фродо ничего страшного не произошло. А как насчет Сэма, который вынужден был на время взять Кольцо, но потом почти без колебаний возвратил его законному владельцу? Как насчет Пиппина и Мерри, которые вообще не испытывают никакой тяги к

Кольцу? Как насчет Арагорна, Леголаса и Гимли, которые тоже демонстрируют полное безразличие, при том, что незнанием оно оправдано быть никак не может? А брат Боромира, Фарамир? Он прекрасно видит, что Кольцо полностью в его власти, и все же отказывается от него, не обнаруживая при этом ни малейших признаков душевного смятения, кроме “странной улыбки” и блеска в глазах. Эту непоследовательность можно было бы очень серьезно раскритиковать, учитывая, что линия Кольца для книги — и впрямь стержневая. Получается, что автор представил набор определенных правил, но сам соблюдает их, по-видимому, лишь отчасти, как бы нарочно оставляя место для исключений и чудес!. Именно поэтому некоторые читатели полагают, что во “Властелине Колец” разграничительная черта между добром и злом проведена совершенно произвольно и зависит не от внутренней логики изображаемых характеров, а от нужд сюжета(6).

На самом деле, все упомянутые выше сомнения в последовательности автора можно разрешить при помощи одного-единственного словосочетания: “наркотическая зависимость”, хотя само это выражение во “Властелине Колец”, конечно, не используется. Кольцо действует подобно наркотику. Скорее всего, Голлум уже с первых страниц у всех читателей ассоциируется с хорошо теперь всем знакомым образом наркомана, который из последних сил пытается заполучить свою “дозу”, хотя и знает, что она может его убить. По той же самой причине читатели без труда понимают, почему Гэндальф увещевает Фродо никогда и ни в каком случае не пользоваться Кольцом (использование наркотика всегда вызывает наркотическую зависимость); почему Сэм, Бильбо и Фродо сравнительно благополучно избавляются от Кольца (на ранних стадиях наркотическая зависимость излечима); почему Боромир попадает под власть Кольца, ни разу к нему не прикоснувшись (наркомании предшествует желание попробовать наркотик), и почему Фарамир так легко отказывается от Кольца (умный человек способен подавить в себе желание попробовать наркотик, но стоит угодить в зависимость — и никакой ум уже не поможет). Что касается сцены в Саммат Наур, где Фродо лишается пальца с Кольцом, то Провидение задействовано здесь в большей мере, чем кажется на первый взгляд. Не мешает вспомнить: Гэндальф с самого начала говорил Фродо, что в принципе обладатель Кольца может отдать его кому-нибудь другому или уничтожить его, просто при этом не обойтись без внутренней борьбы; но никто не может заставить Фродо *захотеть* избавиться от Кольца (разве что с применением какого-нибудь опасного средства по контролю мыслей). В пещере Саммат Наур Фродо по-прежнему хочет уничтожить Кольцо, — у него просто не хватает сил это сделать. Получается, что без Голлума было все-таки не обойтись — какая ирония! Расширяя

параллель с зависимостью от героина, можно добавить, что наркоманов *можно* вылечить, если применить к ним внешнюю силу, что часто и приходится делать, хотя для этого требуется их сотрудничество. Тот, кто ждет, что наркоманы самостоятельно, с помощью одной только силы воли, сломают шприцы и выбросят наркотики в помойку, путает наркотическую зависимость, которая носит физический характер, с привычкой, которая носит характер нравственный. Описывая Кольцо именно таким образом, Толкин совершенно последователен, — как, впрочем, и во всем остальном.

При этом он почти открыто использует определенно современные понятия. Слово “наркоман” появилось в ОСА только в 1920г. Возможно, это понятие получило распространение в связи с синтезом героина (1898г.). Что касается термина “наркотическая зависимость” (“*addiction*”), то полный ОСА по какому-то недосмотру вообще до сих пор

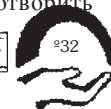

не удосужился его зарегистрировать. Однако за время жизни Толкина и слово “*addiction*”, и стоящая за ним реальность постепенно стали привычными, а с ними в жизнь вошли, заметим, совершенно новые идеи по поводу природы и границ человеческой воли. Что же касается “власти, которая развращает”, то в 1930-е и 1940-е годы Толкин, что вполне очевидно, попросту откликнулся на злобу дня. Этот намеренный модернизм снимает с него все обвинения в “эскапизме”, в создании себе “башни из слоновой кости”, в тривиальном побеге от действительности. Кроме того, введение этих современных понятий заставляет предполагать, что именно на те темы, которые он, как считается обычно, игнорировал, Толкин размышлял гораздо более серьезно, чем догадывались его критики, — а именно, о механизме искушения, о сложной природе добра и зла, об отношениях между реальностью и нашим неточным ее восприятием. Ничто не может помешать критикам заявлять, будто ответы, которые предлагает Толкин, “инфантильны” или “не фундаментальны”, однако надо отдавать себе отчет и в том, что подобные эпитеты столь же относительны и в той же мере порождены культурным контекстом, как и словечко “реальный” в устах у Сарумана: взятые сами по себе, они не выражают ничего, кроме предрассудков того, в чьих устах звучат. Короче, Толкин не просто приглашал читателей прогуляться по Средьземелью, он хотел, чтобы Средьземелье что-то сообщило его читателям. Решать, истинно это сообщение или нет, можно только выяснив, в чем, собственно, оно состоит. А подойти к этому беспристрастно можно только, как это часто требуется, сравнивая древность и современность, перечитывая старые тексты под новым углом и одновременно с точки зрения вечных истин.

Природа зла: Бозций и танихеи

Чтобы лучше понять “Властелина Колец” во всей его сложности, полезно взглянуть на него еще и как на попытку примирить два различных взгляда на природу зла. Оба эти взгляда освящены древностью, оба авторитетны, оба существуют по сей день и, на свежий взгляд, друг другу противоречат. Один из них порожден, по существу, ортодоксальным христианством, изложен у св.Августина и принимается как католическим, так и протестантским учением(7). Самое четкое выражение он нашел в книге, где Христос вообще не упоминается — в коротком трактате “*Consolatione Philosophiae*” (“Утешение философией”), написанном примерно в 522-5гг. нашей эры римским сенатором Бозцием незадолго до казни, к которой приговорил его **Туудорейкс* (Теодорих), король готов. В этом трактате говорится, что такой вещи, как зло, вообще не существует: зло — это “ничто”, отсутствие добра, а зачастую и просто еще не распознанное добро. “*Omne bonum proptus esse fortunam*”, — писал Бозций: “все, что ни случается, без сомнения, ведет к лучшему”. Из этого убеждения следует, что зло само по себе не способно ничего сотворить, что оно и само не было сотворено, а появилось в результате умышленного злоупотребления свободой воли, в которое впали Сатана, Адам и Ева, чем и отделили себя от Бога. В конечном же счете зло будет уничтожено или исключено из бытия точно так же, как грехопадение человека было исправлено Воплощением и смертью Христа. Этот взгляд на зло представлен во “Властелине Колец” очень отчетливо. Даже в Мордоре Фродо утверждает: “Тень, которая их <орков> взрастила, умеет только глумиться над тем, что уже есть, но сама не может ничего сотворить”

(“Властелин Колец”, т.III, с.256). Ранее нечто в том же духе говорит Фангорн: “Тролли необычайно сильны. Враг сделал их во времена Великой Тьмы по нашему образу и подобию, в насмешку”. В чем разница между “настоящей” тварью и “подражанием”, сказать невозможно, однако в этом противопоставлении прослеживается более глобальная идея: показать разницу между подлинным Творением и его искажением. Эта идея находится в согласии с твердым заявлением Элронда — “Ничто не бывает злым изначально, и даже сердце Саурона не всегда было черным” (“Властелин Колец”, т.I, с.401). В отношении этих основополагающих понятий Толкин идти на компромисс не собирався.

Однако в истории западной мысли всегда присутствовала и другая традиция. Правда, она никогда не имела “официального” статуса, но сама собою, спонтанно, вырастает из повседневного опыта. Согласно этой традиции, никому не возбраняется пускаться в философские рассуждения по поводу природы зла, однако все-таки зло существует реально, и просто “отсутствием добра” назвать его никак нельзя; более того, злу можно сопротивляться, и более того — отказ от противления злу (в убеждении, что настанет день, когда Всемогущий Сам излечит все раны, нанесенные злом) является прямым нарушением долга. Опасность этой традиции в том, что она может отдавать манихейством — ересью, согласно которой Добро и Зло — это равные по силе противоположности, а вселенная — место их битвы; правда, Инклинги(8), по-видимому, склонны были проявлять известную терпимость по отношению к этому взгляду на мир (см. К.С.Льюис, “Просто христианство”, кн.2, гл.2)(9). Кроме того, вполне возможно представить себе такую концепцию зла, которая шла бы дальше Боэция, но останавливалась бы именно там, где начинается манихейство. Толкин мог встретиться с такой концепцией в тексте, который знал очень хорошо — в древнеанглийском переводе Боэция, автором которого был лично король Альфред Великий(10).

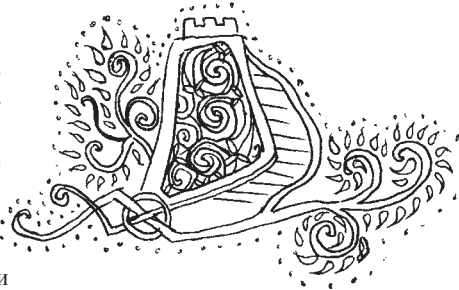
Это произведение замечательно многим, и прежде всего тем, что, хотя король Альфред демонстрирует достаточное уважение к автору, которого переводит, он не страдает при этом излишней скромностью и смело вставляет в текст свои собственные соображения. Более того, в отличие от Боэция, королю Альфреду приходилось наблюдать зверства, которые совершали пираты-викинги по отношению к его беззащитным подданным; и, опять-таки в отличие от Боэция, ему приходилось прибегать к жестким методам борьбы со злом, — например, вешать пленных викингов или мятежных монахов, а также, по всей вероятности, приказывать, чтобы раненым пиратам, которые имели несчастье остаться на поле боя, перерезали горло. Все это не мешало Альфреду быть христианским королем; более того, многие из оставшихся в истории его поступков заставляют предположить в нем чуть ли не донкихотскую способность к прощению. Словом, деятельность короля Альфреда обнажает сильную сторону “героического” взгляда на зло и слабую сторону “боэцианского”. Если зло для вас — это внутренняя испорченность, нечто такое, что заставляет пожалеть того, кто ею затронут, нечто вредоносное скорее для самого злодея, нежели для его жертвы, — то, возможно, философски вы вполне последовательны, но обрекаете на страдания других людей, а они, возможно, вовсе не хотят приносить себя в жертву (например, им, скорее всего, совсем не улыбается погибнуть от рук разбойников-викингов, или, как во времена, когда писался “Властелин Колец”, задохнуться в газовой камере). В 1930-е и 1940-е годы в правоту Боэция верить было особенно трудно. И все же от его теории нельзя просто отмахнуться.

Толкин отобразил в своем романе эту философскую двойственность с помощью Кольца. Однако на первый взгляд может показаться, что образ Кольца лишен внутренней последовательности, причем сразу по нескольким линиям. Прежде всего, Кольцо ведет себя довольно гибко и огню не ограничивается пассивной ролью. Оно “выдало” Исилдура орочьим стрелам; оно, как выражается Гэндальф, “оставило” Голлума, откликнувшись на

“мысленный зов” своего прежнего владельца, окопавшегося в Чернолесье; оно совершило предательство по отношению к Фродо в “Пляшущем Пони”, когда само прыгнуло ему на палец и перед всеми обнаружило, что тот может становиться невидимым, — а ведь за Фродо наблюдали присутствующие в зале шпионы Черных Всадников! “Может, оно попробовало подать знак о себе в ответ на чье-то пожелание или приказ?” — гадают Фродо, и его догадка, конечно, правильна. Но ведь при

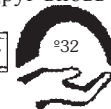
всем при том Кольцо — это просто вещь, которая, как и всякая вещь, не может ни пошевелиться, ни спасти саму себя от уничтожения. Кольцу приходится действовать через посредство своих владельцев, прежде всего с помощью игры на слабых сторонах их характера, — у Бильбо это собственнический инстинкт, у Фродо — страх, у Боромира — патриотизм, у Гэндальфа — жалость. Когда Фродо ненадолго передает кольцо Гэндальфу, чтобы тот проверил, Единое это Кольцо или нет, оно кажется ему “непривычно тяжелым, словно кто-то из них — *то ли оно само, то ли Фродо* — не желал, чтобы Гэндальф брал его в руки” (“Властелин Колец”, т. I, с. 88, курсив мой — Т.Ш.). Возможно, Кольцо каким-то магическим способом узнало о волшебной силе Гэндальфа, а, возможно, причина в том, что и сам Фродо уже боится утратить Кольцо. Оба возможных представления о Кольце проходят через все три тома. Что оно собой представляет? Разумное это существо или просто преобразователь психической энергии? Эти два варианта соотносятся с двумя разными взглядами на природу зла — первое с “героическим” представлением о зле как о чем-то внешнем, чему следует сопротивляться, а второе — с боззианской уверенностью о том, что зло, по сути, принадлежит исключительно внутреннему миру человека, что это явление чисто психологическое, не обладающее реальностью.

Эта проблема возникает еще в нескольких сценах искушения. На протяжении “Властелина Колец” Фродо надевает Кольцо на палец шесть раз: один — в доме Тома Бомбадила (что, по всей видимости, не в счет), один — случайно, в “Пляшущем Пони”, один — на Пасмурнике, дважды — на Амон Хене и один — под конец, в пещере Саммат Наур. Фродо чувствует сильное побуждение сделать это еще в нескольких случаях, особенно — в долине под башней Минас Моргул, когда Кольцепризрак выводит оттуда свою армию. Четыре из этих сцен имеют принципиальное значение. Так, на Амон Хене Фродо, вопреки инструкциям Гэндальфа, надевает Кольцо просто ради того, чтобы избавиться от Боромира, и рассказчик оправдывает его поступок: “Оставалось только одно”. Однако когда необходимость отпадает, Фродо снимает Кольцо не сразу: сперва он поднимается на вершину Амон Хена, Зрячей Горы, и садится на Трон древних королей. Здесь его замечает Глаз Саурона и принимается искать его, шаря вокруг горы как бы лучом прожектора:

“Вот сейчас этот палец дотянется до него и пригвоздит его к месту! Враг узнает, где прячется Кольцо! Вот палец коснулся Амон Лау. Вот он уперся в Тол Брандир... Фродо бросился наземь и сжался в комок, натягивая на голову серый капюшон.

“Нет! Никогда!” — услышал он свой голос. А может, наоборот — “Иду к тебе! Жди!”? Фродо сам не мог разобрать, что бормочет. И вдруг в его голову проникла какая-то новая, чужая мысль, зазвучавшая совсем по-иному: “Сними! Сними его! Кольцо сними, осел ты этакий! Скорее!”

Две силы встретились. Какое-то время Фродо балансировал между ними, как на скрещении двух клинков; он забился в судороге, не выдерживая пытки, — и вдруг вновь

стал самим собой. Он был не Голосом и не Глазом, а хоббитом Фродо. Он был свободен в выборе, и у него оставалось еще мгновение, чтобы выбрать. И он снял Кольцо с пальца” (“Властелин Колец”, т.1, с.586).

Эта сцена всегда ставила критиков в тупик и приводила их в особое раздражение. Например, Л.Т.Манлав сразу сбрасывает Голос со счетов как “вмешательство Провидения” и, очевидно, полагает, что это один из примеров той несправедливой “удачи”, которая якобы сопутствует героям и которая мешает воспринимать “Властелина Колец” всерьез. На самом же деле Фродо слышит голос Гэндальфа, — ведь именно Гэндальф имел обыкновение разговаривать с хоббитами в таком тоне! В книге III на с.131 эта догадка подтверждается. Разве не справедливо дать волшебнику возможность посостязаться с Некромантом? Еще более примечательно в этой сцене противопоставление двух других голосов, один из которых восклицает: “Никогда!”, а другой возражает — “Я иду к тебе!..” Эта борьба между сознательной волей и бессознательной порочностью (не та ли эта порочность, которая когда-то мешала ему отдать Гэндальфу Кольцо?) происходит в душе Фродо. А может быть, “Я иду к тебе!” — это только проекция Вражьего голоса, который нашептывает Фродо именно то, что ему (Фродо) хочется услышать, который вкладывает ему эти слова в уста, если не в сердце, и создает в душе Фродо безобразные фикции, как позже при переходе через Мертвые Болота, где Фродо и Сэм видят под водой безобразные трупы? Оба понимания одинаково возможны. Оба и предполагаются. Зло может быть, соответственно, как плодом внутреннего искушения, так и результатом действия внешней силы.

Подобная же неопределенность пронизывает и другие сцены, в которых Фродо или надевает Кольцо, или только порывается его надеть, или получает приказ сделать это. В долине Минас Моргула такой приказ посылает ему Кольцепризрак, однако Фродо не находит в недрах своей воли отклика на него и чувствует только, что “извне на него давит могучая, жестокая сила”. Эта сила движет его рукой как бы с помощью некоего магнетизма, однако Фродо, хотя и с усилием, отдергивает руку, касается фиала Галадриэли и мгновенно испытывает облегчение. Возможно, такой же приказ получил он когда-то на Пасмурнике, в момент нападения Черных Всадников. Тогда он все-таки надел Кольцо. Чтобы передать то, что произошло в тот момент с Фродо, Толкин использует слова “искушение” и “желание”: “Страх был ничто перед внезапно нахлынувшим на него искушением надеть Кольцо. Желание это захватило Фродо без остатка”. Примерно такое же искушение испытал он в Курганах, когда к нему потянулись пальцы Навья(11), но там искушение было в том, чтобы покинуть друзей в беде и использовать Кольцо для побега. На Пасмурнике, как нам сообщается, у Фродо не было таких безнравственных побуждений, по крайней мере осознанных. Однако возникает впечатление, что и здесь внешней силе содействует какая-то внутренняя слабость, какое-то бессознательное порочное побуждение встать на сторону противника. Точно так же не поддается однозначной трактовке и происшедшее в пещере Саммат Наур. Фродо ясно и активно заявляет о своем злом намерении: “Я не сделаю того, ради чего шел сюда. Я поступлю иначе. Кольцо принадлежит мне!” Но в то же самое время нам сообщается, что на Горе Судьбы теряет силу даже фиал Галадриэли. Здесь Фродо находится “...в самом сердце Сауоновых владений... и не было здесь силы могущественнее, чем та, что обитала в пещере. Все чуждое этой силе здесь подавлялось и обращалось в ничто”. Значит, воля Фродо и его добродетель входят в число этих “чуждых” сил? Но сказать так означало бы впасть в манихейство. Это означало бы согласиться с тем, что мы не всегда обязаны отвечать за свои поступки, означало бы, что мы признаем зло за самостоятельную силу. С другой стороны, возложить всю вину на Фродо тоже кажется несправедливым: если бы Фродо был “плохим”, то он, для начала, никогда не достиг бы

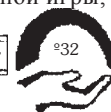

пещеры Саммат Наура. Похоже, что определенного суждения о его поступке вынести невозможно. Раньше Фродо нередко прощал и миловал Голлума, и теперь это спасает Фродо от последствий совершенного им греха; однако он несет в некотором смысле и наказание — теряет палец. “Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его...” Евангельская цитата, которую Толкин держал в уме, когда сочинял эту сцену, тоже со всей определенностью указывает на двойную природу зла и является эхом молитвы Господней^{1*}: “И не введи нас во искушение; но избави нас от лукавого”^{2**}. Если перефразировать слова Евангелия, наше дело — поддаваться искушению, избавиться же нас от него — дело Господа. Что же касается вопроса о том, как распределить ответственность между нами и теми, кто нас искушает, и какое искушение человек может выдержать, если рассуждать “разумно” — на эти вопросы обыкновенные смертные, по всей очевидности, ответа дать не могут. Толкин видел проблему зла как в книгах так и в реальности, и свою книгу он написал, по крайней мере отчасти, ради того, чтобы представить эту проблему в лицах; однако он не претендовал на то, что знает, как ее разрешить.

Таким образом, мы видим, что философская проблематичность заложена в самой природе Кольца, причем Толкин, конечно, хорошо видел эту проблематичность, она глубоко его интересовала, и ему удалось выразить ее с большой осторожностью и очень обдуманно. Двойственность природы Кольца проявляется не только в связи с Фродо. В некотором смысле неуверенность в том, что же такое на самом деле зло, пронизывает всего “Властелина Колец”. Всем персонажам было бы гораздо легче находить решения, если бы зло в книге было или безусловно боэцианским, или безусловно манихейским. Если бы зло действительно было не более чем отсутствием добра, то Кольцо не могло бы быть ничем иным, кроме как преобразователем психической энергии; оно не могло бы “предавать” своих владельцев, и им оставалось бы попросту отложить Кольцо подальше и очистить собственные мысли. Однако в Средьземелье, как нас уверяют, такая тактика привела бы к фатальным последствиям. С другой стороны, если зло — это всего лишь ненавистная внешняя сила, которая не находит отклика в сердцах “хороших”, то любой мог бы отнести Кольцо к Трещинам Судьбы, не обязательно Фродо. Например, эту задачу можно было бы поручить Гэндальфу. Тот, кто отправился бы выполнять это задание, должен был бы опасаться только врагов, но уж никак не друзей и не самого себя. Получается, двойственность природы Кольца имеет для повествования решающее значение.

Кроме того, в тексте постоянно встречаются размышления, которые возвращают нас к вопросу о природе искушения и природе Кольца. Когда Гэндальф, комментируя события на Пасмурнике, говорит Фродо: “Сердце твое оказалось не затронуто, удар пришелся в плечо. Если бы ты не сражался до последнего, тебе бы так просто не отделаться”, эти слова можно расценить или как высокую нравственную оценку поведения Фродо (то есть, Гэндальф подразумевает, что Фродо был вознагражден за это), или как похвалу практической сметке Фродо (он вовремя пригнулся, выкрикнул нужные слова, ответил ударом на удар, отвел руку Кольцепризрака). Когда Гэндальф говорит, что Бильбо “оставил Кольцо сам, добровольно, а это главное”, он, возможно, имеет в виду только, что Бильбо не успел впасть в слишком серьезную зависимость от Кольца, а, возможно, исцелиться ему поможет именно доброе побуждение, следуя которому Бильбо отдал Кольцо. Когда Глоин рассказывает о том, как рвались гномы назад в Морию, мы не можем с уверенностью сказать, почему им так это приспичило: то ли их подзадорил Саурон — извне, то ли ими руководили гномьи жадность и амбиции — изнутри? Здесь нужно сказать только, что так часто бывает и в жизни. Возможно, все грехи — от сочетания внешней силы, подбивающей на зло, и внутренней слабости. В любом случае, на уровне повествования вполне можно сказать, что “Властелин Колец” — это никак не притча из разряда житий святых, где речь идет только об искушениях, но и никоим образом не что-то вроде сложной военной игры,

где речь идет только о тактических ухищрениях. Если бы “Властелин Колец” соскользнул к одному из этих полюсов, это была бы уже не такая великая книга.

Ключевые понятия: “удача” и “тьень”

Во “Властелине Колец” образ зла особый. Толкин обозначает его с помощью слова “тьень”, “*shadow*”. Существуют ли тени? Согласно убеждению древних, и да, и нет. В древнеанглийской поэме “Соломон и Сатурн”^{3*} языческий бог Сатурн спрашивает христианского короля Соломона (в тексте Соломон представлен именно христианином!): “Что суть вещи, коих нет?” Ответ достаточно туманен, но бесспорно одно — он содержит слово *besceadēð*, “тени”. Тени суть отсутствие света и поэтому сами по себе не существуют, однако их можно увидеть и ощутить, как если бы они все же существовали. Именно так смотрит Толкин и на зло. Соответственно, Мордор — это “Черная Страна”, “где тени легли” (“*where the shadows lie*”), или еще более зловеще — “где тени живут” (по-английски — “*where the shadows are*”) (выделено мной. — Т.Ш.), Арагорн сообщает: “Гэндальф Серый рухнул в бездну, и его взяла Тень”. Сам Гэндальф говорит, что, если его союзники проиграют, “многие страны покроет Тень”. Иногда слово “Тень” используется, когда речь идет о Сауроне, как, например, в процитированной несколько выше сентенции Фродо о том, что Тень, дескать, не умеет творить — она умеет только глумиться; иногда зло кажется не более чем находящимися извне туманом и мглой (“...сердца Всадников покрыла тень”). Иногда не знаешь, что думать: так, например, нам говорится, что Балин отправился навстречу своей беде в Морию потому, что “до гномов добралась Тень”. Со слов Глоина создается впечатление, что это не более чем метафора обычной неудовлетворенности создавшимся положением. Однако метафора это зловещая. Может, “Тень” была чарой, насланной из Мордора. Может, Балин одновременно и поддался голосу внутреннего искушения и получил толчок извне. В подобных фразах проявляется характерное для толкиновского стиля положительное качество: идеи Толкина зачастую парадоксальны и имеют глубокие интеллектуальные корни, но в то же время обращают наше внимание на простые вещи, опираются на повседневный опыт. Толкин умел быть одновременно ученым и практиком. Это сочетание было довольно обычным для древней Англии, однако (как, возможно, думал и Толкин) постепенно — с изменениями, которые произошли вследствие Норманнского завоевания и Возрождения — встречалось все реже и реже, и в итоге слово “образованность” стало мало-помалу обозначать исключительно “знание латыни”, а в литературе образовалась особая кастовость.

По всей вероятности, другим основным источником слова “тьень” (“*shadow*”) был для Толкина “Беовульф” (строки 705-7). В этих строках повествуется о том, как Беовульф и его люди (последние не питают никакой надежды на успех), расположившись на ночлег во дворце, ждут появления людоеда Гренделя. Поэт прямо говорит, что они не питали надежды возвратиться домой живыми. Но, несмотря на это, они спокойно отправились спать, не дожидаясь появления чудовища. В этом месте поэт с внезапной уверенностью поясняет: “Им было известно, что, если Бог не захочет, демон-враг не сможет утащить их в тень (“*unter sceadu breagan*”)^{4*}. В словах этих звучит полная уверенность, а между тем по смыслу они достаточно жестки. “Утащить в тень” может означать не более чем “утащить из дворца в темноту”, но здесь подразумевается еще и другой смысл — “утащить невесть

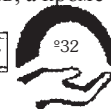
куда”, “лишить жизни и навеки передать в распоряжение силам зла”. Что касается уверенности в том, что Бог не попустит этого, если Сам не захочет, то с виду это вполне благочестивая ссылка на могущество Божие. Но что, если Бог *захочет*? Получается, иногда Он этого хочет? Ведь в “Беовульфе” чудовище к тому моменту уже не раз утаскивало людей “в тень”. Возможно, Толкина привлекло словосочетание “*unter sceaðu*”, а также картина молчаливого и довольно мрачного англосаксонского мужества, которая предстает здесь перед нами. Даже с напрашивающейся в этом случае мыслью о возможной несправедливости Провидения Толкин, по-видимому, спорить не стал бы; ведь и во “Властелине Колец” нам постоянно напоминает о том, что Фродо может попасть в руки Саурону и подвергнуться мучениям, в результате которых хоббит сам попал бы “в тень”, сделался жалким маленьким “призраком”, которого муки наркотической зависимости от Кольца, разлука с Кольцом, пытки и страх превратили бы в полное ничтожество, так что он уподобился бы “иссохшему королю” Минас Моргула(12). Этого не происходит, но никто не говорит, что этого не могло бы произойти.

Мы посвятили много времени тому, чтобы разобраться в могущественном и сложном образе зла, нарисованном Толкином. Теперь пора посмотреть, как Толкин изобразил силы добра, которые часто выглядят слабее и ограниченнее в возможностях (на первый взгляд).

Для этого Толкин снова позаимствовал кое-что из древней мистерии — “Беовульфа”. Поэма открывается описанием того, как провожают в последний путь предка одного из персонажей. Этот предок — Скильд, король данов, которого, согласно легенде, в младенчестве принесли к берегу Дании волны: голый, он лежал на деревянном щите. Теперь даны посылают окончившего свой земной путь Скильда обратно в море на похоронной барже, нагруженной сокровищами, в одиночку, без команды. “Не меньшим богатством снабдили его даны, опустошив сокровищницу народа, — с гордым преуменьшением говорит поэт, — “не меньшим, нежели те, что послали его к ним вначале, по волнам, когда он был младенцем”. Те, “*þonne þa dydon*”, “что послали его к ним вначале, по волнам, когда он был младенцем”; кто это такие? Это очень странная строчка, как технически, так и идеологически^{5*}. Автор “Беовульфа” был христианином. В его вселенной, по идее, не должно было быть места для второстепенных божественных, или сверхчеловеческих, сил, помимо демонов и ангелов, ведущих борьбу за человеческую душу; между тем, пославшие Скильда не проявляют никакого интереса к душам обитателей Дании, хотя, по-видимому, обладают сверхъестественными возможностями и преследуют сверхчеловеческие цели. Можно было бы отнести явление Скильда к действию Божественного Провидения, однако в тексте стоит слово “*þa*” — “те”, а не “*he*” — “Он”. В “Беовульфе” на этот вопрос ответа не дается, однако сама по себе строчка оставляет впечатление, что, по мнению автора, в мире действуют некие силы, настроенные, возможно, по отношению к людям доброжелательно, но недоступные человеческому пониманию.

То же самое справедливо и в отношении “Властелина Колец”, хотя здесь, как и в “Беовульфе”, этим “присутствующим в мире силам” никогда не разрешается открыто вмешиваться в происходящее. Из “Сильмариллиона” мы можем заключить, что Гэндальф — это *Майя/р*(13), духовное существо в человеческом облике, посланное для облегчения страданий живущих в Средземелье народов; много лет спустя после опубликования трилогии Толкин, если верить слухам, признался: “Гэндальф — это ангел”(14). Однако во “Властелине Колец” Гэндальф никогда особенно не напоминает ангела, по крайней мере канонического, как их рисуют на иконах. Например, Гэндальф чересчур вспыльчив, а кроме

того, подвержен сомнениям, беспокойству, усталости, страху. Совершенно очевидно, что слишком громкий шум ангельских крыл, слишком легкая возможность сослаться на чудо или на вмешательство Всемогущего мгновенно низвело бы персонажей на другой уровень, обесценило бы их решения и мужество. Как же тогда действуют благие силы, и подчиняется ли кому-нибудь Гэндальф? “Нагим послан был я обратно”, — говорит он в одном месте (15) (вспомним историю Скильда), однако кто послал его, он не сообщает. “Да охранят нас Валары!” — восклицают гондорцы, когда на них мчится “олифан”. Но *Валар/ы/* не вмешиваются. А может быть, все же вмешиваются, ведь зверь все же внезапно сворачивает в сторону? Но это могло быть и простой случайностью! Позвоительно ли приравнивать “случай” к “вмешательству *Валар/ов/*”? А может быть, “случай” — это как раз и есть то самое слово, которым пользуются люди, чтобы описать свое восприятие деятельности таинственных “тех”, что послали в мир Скильда и Гэндальфа?

По всей вероятности, Толкин обдумывал эту проблему в течение многих лет. Во “Властелине Колец” он довольно часто использует слово “случай” (“*chance*”), вкладывая в это некоторый намек. “Случай ли меня привел? — переспрашивает Том Бомбадил, вызволив хоббитов из трещин Старухи-Ивы. — Называйте — случай, если так угодно вам. Случай, значит, случай”. В Приложении к “Властелину Колец” (А-III) Гэндальф говорит, что катастрофа в Северных Землях была предотвращена благодаря тому, что “в один прекрасный вечер, в самом начале весны, я повстречал в Бри Торина Дубощита. Как говорят в Средьземелье, счастливый случай!” Очевидно, случай зачастую не случаен и происходит предумышленно. Например Гэндальф полагает, что именно благодаря такому “неслучайному случаю” Бильбо нашел Кольцо. Тем не менее даже Гэндальф способен распознать эту предумышленность только задним числом. И все же слово “случай” (“*chance*”) — это не то слово, которое, по Толкину, лучше всего выражало его взгляды по поводу “случайности” и “неслучайности” происходящих в мире событий. Возможно, здесь больше подходит слово “удача” (“*luck*”).

Разумеется, “*luck*” — это прежде всего самое обычное английское слово. С другой стороны, это слово довольно странное, поскольку его этимология неизвестна. ОСА предполагает, — правда, без особой убежденности, — что оно может происходить от какого-то древнеанглийского слова, похожего на глагол (*ge*)*lingan* — “случаться”. В таком случае, первоначально оно означало “результат случая”, “то, что случайно подворачивается под руку”. Толкину понравилась бы такая этимология, поскольку, если она правильна, слово “*luck*” являлось бы близким современным эквивалентом того древнеанглийского слова, которое обычно переводится как “судьба” и образовалось точно таким же способом, как и “*luck*”, но от другого глагола — (*ge*)*weorþan*, “становиться”, “случаться”. Автор “Беовульфа” часто приписывает ответственность за события “судьбе” (по-древнеанглийски “*wyrd*”) и в некотором смысле относится к *wyrd* как к некой сверхъестественной силе. Король Альфред ввел это слово в свой перевод Боэция, чтобы объяснить, почему Божественное Провидение не управляет человеческой волей. Он пишет: “То, что мы называем Божественным Предведением и Божественным Провидением — это то, что находится еще в Его мыслях, но пока еще не осуществилось; когда же Его замысел осуществится, мы называем его “*wyrd*”. Таким образом, каждый может сказать, что мы имеем дело с двумя разными вещами, которые и по имени различаются: “предведение” и “*wyrd*” (“судьба”)(16). Отсюда следует крайне важное заключение, а именно: *wyrd*, судьба, не господствует над людьми, поэтому переводить слово *wyrd* словом “судьба” не совсем правильно. Люди могут сами изменить свою “судьбу”, “планиду”, и в некотором смысле у них есть право сказать Божественному Промыслу “нет”, хотя при этом они, конечно, вынуждены будут считаться с последствиями своего решения. Например, можно сказать, что сон, приведший Боромира в Ривенделл, послало ему Провидение в лице *Валар/ов/*

(“Властелин Колец” т. I, с. 369). Однако Фарамиру *Валар/ы/* послали этот сон первому, и впоследствии он видел его чаще, чем Боромир; и мы видим, что, без сомнения, лучше было бы, отправься в Ривенделл не Боромир, а Фарамир. К тому, что именно Боромир вызвался ехать в Ривенделл и добился этого, привело волевое человеческое решение, или человеческая “испорченность”, поскольку итогом стала цепь дурных последствий и смертей, проследить которую от начала до конца было уже невозможно. Таким образом, “удача”, “*luck*”, по Толкину — это постоянное взаимодействие Промысла и свободной воли, взаимодействие, в котором участвует столько факторов, что разуму не под силу распутать этот узел. Слово “*luck*” заключает в себе древнюю философскую проблему, из-за которой велись войны и из-за которой людей сжигали живьем.

Но для Толкина было особенно важно то, что слово “*luck*”, как и слово “*shadow*” (“тень”), ежедневно используется в современной речи и подразумевает необходимый в данном случае оттенок неуверенности в том, что оно, собственно, означает — нечто вполне житейское, или же нечто мистическое и сверхъестественное? Когда фермер Джайлс стреляет в великана из своего “пугача”⁶⁸, ему удается попасть в цель только благодаря “удаче” — “*luck*”; более того, — “по чистой случайности, а отнюдь не стараниями фермера”. Мысли Валар/ов/ никто прочесть не может... В другой раз фермер Джайлс занимает выгодную позицию в хвосте процессии рыцарей, которых впоследствии испепеляет дракон, — и делает это вовсе не из какого-то особенного благоразумия, а только потому, что серая кобыла Джайлса начала прихрамывать. “Как хотела того удача (или сама серая кобыла)...” Промысел здесь ни при чем, и тем не менее даже в хромоте серой кобылы можно увидеть *предумышленный* каприз судьбы. Но перепалка с драконом у входа в драконье логово уже выходит за границы того, что можно объяснить одним только благоразумием серой кобылы. “Фермер Джайлс подыгрывал своей удаче”, говорит автор. Люди часто так поступают. Широко известно, что, несмотря на всю свою иррациональность, “удача” выпадает людям гораздо чаще, чем если бы она определялась чистой случайностью. Короче говоря, люди традиционно распознают в окружающей их трезвой реальности некую могущественную организующую силу. И в современном, и в древнеанглийском языках существуют слова, которые обозначают эту силу. Однако она не подавляет свободы воли, и ее невозможно четко отличить от обычных природных явлений. Прежде всего, она ни в коей мере не умаляет нужды в геройстве. “Береженого Бог бережет”, “На Бога надейся, а сам не плошай”, — говорят пословицы. Им вторит “Беовульф”: “Судьба часто щадит человека, над которым не тяготеет приговор, — он должен только не терять мужества”(17). “Тебе, конечно, повезло, но ты и сам оказался не промах, — говорит Гимли Пиппину (“Властелин Колец”, т. II, с. 229). — вцепился, так сказать, в удачу обеими руками и не выпустил. Молодец!”. Если бы Мерри и Пиппин не “вцепились” в свою удачу, то ко времени беседы с Гимли все выглядело бы совсем, совсем иначе.

Итак, в Средьземелье добро и зло функционируют как внешние силы, но одновременно и как внутренние импульсы, исходящие из “психэ” (18), из глубины души. Справедливым было бы, возможно, сказать, что, пока сохраняется равновесие того и другого, мы в целом больше склонны видеть во зле объективную силу, а в добре — субъективное побуждение: Мордор и “тени” кажутся ближе и ощутимее, нежели Валар/ы/ или “удача”. Эта асимметрия, однако, подкрепляет одну из самых важных мыслей “Властелина Колец”: о невозможности достичь полного комфорта и безопасности. Снова и снова повторяется, что, если героям не удастся противустать Тени, они будут побеждены, а если они все же найдут в себе силы ей противустать, то могут погибнуть. Если отвергнуть шаткую надежду на случай (например, если бы Фродо отказался взять Кольцо и вместе с ним покинуть Заселье), то, скорее всего, случится нечто в высшей степени неприятное; если же полностью положиться на случай и подчиниться ему — дело может кончиться

еще хуже. Благие силы не дают гарантий.

Лучшее, что способен посоветовать по этому поводу Гэндальф — это вообще не задумываться о таких вещах. “Не омрачайте своего сердца мыслями об испытаниях, которым подверглись бы в Черном замке верность и мужество наших малышей! Ибо Враг потерпел неудачу — по крайней мере, на этот раз” (“Властелин Колец”, т. II, с. 134). Другими словами, поскольку этого не произошло, то это не *“wyrd”*, а стало быть, и толковать об этом нечего. Однако для повествования существенно, чтобы подобным домыслам все же уделялось некоторое внимание. Говорит же Гэндальф Пиппину: “Вмешался в дела волшебников — будь готов ко всему!” (“Властелин Колец”, т. I, с. 274). Без этого “будь готов ко всему” мужество героев выглядело бы не так впечатляюще, а мужество, по Толкину, — возможно, самая важная составляющая добродетели.

(продолжение следует)

Притечения:

1. Толкин говорит об этом в письме к Д.И.Мэссону (12 декабря 1955г.). Мэссон любезно показал мне это письмо и дал разрешение процитировать из него отрывок. Пребывая в раздражении по поводу появившегося 25 ноября 1955г. обзора в “Литературном приложении к `Таймс” (на который Мэссон написал в редакцию отклик, напечатанный там же 9 декабря 1955г.), Толкин замечает, что обозревателю не следовало поднимать такой шум по поводу того, что в книге нашлось место оркам. “Вопрос о том, сколь часто автор “дает место” [злу], не имеет никакого смысла, когда речь идет о книге, в которой все от первого и до последнего слова проникнуто Милосердием; о книге, главный герой которой в конце отказывается от любого оружия, кроме собственной воли. “Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас во искушение, но избавь нас от зла” — вот какие слова приходят мне на ум, и сцена в пещере Саммат Наур была задумана как “сказочная” иллюстрация к этим словам” (см. также П., с.252.)

2* В английском переводе “от лукавого” звучит как “от злого” или “от зла” — М.К.

3* См. мою книгу “Poems of Wisdom and Learning in Old English (Cambridge: D.S.Brewer and Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1976г. — Т.Ш.

4* В русском переводе А.Тихомирова: “...без попушенья / судьбы-владычицы никого не уташит/в крошечное логово”.

5* Это единственный случай, когда слово *pa*, которое встречается в поэме шестьдесят три раза, выступает в качестве самостоятельного указательного местоимения и принимает на себя ударение, а также участвует в аллитерации; таким образом, здесь оно обретает необычное, хотя и вполне для него естественное значение — Т.Ш.

6[§] В пер. А.Ставиской — “ружья с растробом”, в пер. Г.Усовой — “мушкетона”. — М.К.

«Падение Бритотбара»

Быть может, ни Света, ни Запада попросту нет?
Хотпистоту взторюю не праздновать боише побед;
Обрушены стены, что клятба велит защищать,
И катки тех стен не поднимутся к небу опять.

Отныне под тенью Анванда истоки всех рек,
Ты видишь последний и пабший, разаравненный брег.
И не было Топпи Курубар, пишь арзы во сне,
Ни белого врада средь вор на зепенот хопте.

Как счастлив тот воин, чья зивель у себерных вор
Сокрыла от глаз его Габани черный простор,
Чьи уши не слышали часк последней тольбы,
Тот, кто не вдухал ветых хопьев сожженной травы.

Закончится краткий впаженства и радосты век,
И дней беспечальных прервется танцующий бес,
Теперь тебе везет судьбы исполнения срок:
Здесь нет боише зота, пишь боины стываюот песок.

Народ твой повид ити пленен; а зота кораблей,
Наверно, натново изнанника жизни ценней.
Но сколько осей на бесфортеннот чернот вербе?
Быть может, их вовсе нет -- ити не счастье их тебе?

До самых краев зетпи -- не тлтити тебе, а бежать,
Лишь память о терпбой стране, шепот ветра спасать --
Последний завет тех, чьи раны уже не болят,
Три паруса ветых по торюю поспешно тлтит.

Бессчетные слезы протыешь ты на юге, мой брат,
Но боише никто никогда не вернется назад,
Сын Солнца и пены торской, ты тлчтаешь о том,
Чтоб стереть отыскать в том краю, где построен твой зот.

На севере пасть не позвотит небезотый рок,
И в Нэврасте зикот товиты найти ты не стов.
Зетпя твоя в песнях осталась, и боише низде,
Пусть их сохранит та удача, что спужит тебе.

Раз в тьпую покрывую зетпю вернуться нельзя,
Ладры да достивнут помян, где танцуют грузья
Впадыки Тинзота, где Лэнну свободный народ
Доныне без страха и скорби, и знаний живет.

Их стрелы не сдержат вторжения Мэпко, но знай:
Безупиев сражает отчаянье раньше, чем стагль.
Пока будут петь тех дерев струны арфы одной,
Надежды и ярости знебной продолжится бой.

Ляльви Липецкий, 15.06.2002